

Шопоголик спешит на помощь

Автор:

Софи Кинселла

Шопоголик спешит на помощь

Софи Кинселла

Шопоголик #8

Неунывающий Шопоголик возвращается, чтобы совершить головокружительное путешествие в Лас-Вегас.

У Бекки Брендон проблемы. Нет, они были всегда, но как-то быстро решались, в основном покупкой новых туфелек и красивой шляпки. Теперь все серьезно: ее отец пропал, оставив лишь странную записку, в которой обещал «кое-что уладить». Но, видно, так ничего и не уладил, раз все еще не вернулся!

Бекки собирает друзей и отправляется в Лас-Вегас. Ей предстоит не просто найти отца и разгадать секрет, заставивший того надолго исчезнуть, но и повернуть аферу, достойную «Одиннадцати друзей Оушена».

Огни будут сверкать, шампанское литься, а Бекки – играть в казино. И она, можно не сомневаться, сделает все, чтобы вернуться домой победителем.

Софи Кинселла

Шопоголик спешит на помощь

С любовью и благодарностью посвящается Линде Эванс.

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

СОФИ КИНСЕЛЛА сменила множество профессий: учитель, экономический журналист, музыкант. Но подлинная слава к ней пришла благодаря знаменитой серии книг о Шопоголике, в которых читатели нашли и искрометный юмор, и тонкую иронию, и парадоксальные жизненные наблюдения. Сегодня Софи Кинселла автор множества романов, которых с нетерпением ждут десятки тысяч поклонников во всех странах мира.

«Автору удалось не только сохранить свой уникальный стиль, но и привнести в роман много нового».

LIBRARY JOURNAL

Пролог

Кому: Ребекке Брендон

Тема: просьба

Уважаемая миссис Брендон!

Давно не получал от вас вестей. Надеюсь, вы и ваше семейство пребываете в добром здравии.

Что касается меня, я вышел на пенсию, однако часто вспоминаю отдельные эпизоды из своей профессиональной деятельности в банке «Эндвич» и потому решил написать автобиографию или мемуары под рабочим названием «Обратная сторона кредита: исповедь банковского агента».

У меня уже готовы две главы, и их высоко оценили члены местного садоводческого клуба (как они сказали, «эту книгу обязательно экранизируют!»). Я, конечно, не столь уверен, но все же... Вы, миссис Брендон, были моей самой яркой клиенткой (от души надеюсь, что с годами вы стали более рационально относиться к своим финансам). Мы не раз скрещивали шпаги, но, кажется, к моему выходу на пенсию нам удалось достигнуть некоего взаимопонимания.

Поэтому я спрашиваю: не могли бы вы дать мне интервью в любое удобное для вас время? С нетерпением жду ответа.

С уважением,

Дерек Смит, менеджер (в отставке).

Кому: Ребекке Брендон

Тема: Re: Re: просьба

Уважаемая миссис Брендон!

Увы, я весьма разочарован. Я обратился к вам от чистого сердца, как профессионал и даже, осмелюсь сказать, друг, рассчитывая на соответствующее отношение.

Если вы не желаете давать интервью, что ж, ничего не поделаешь. Однако меня весьма опечалило, что вы сочли необходимым выдумывать столь затейливые оправдания. Ведь вся эта запутанная история про «поездку в Лас-Вегас за пропавшим отцом» и «бедняжку Тарки, которому промывают мозги» придумана

от первого до последнего слова.

Сколько раз, миссис Брендон, я получал письма, в которых вы утверждали, что «сломали ногу», «страдаете от ангины» или «оплакиваете смерть воображаемой собаки»? Я надеялся, что, став замужней женщиной и матерью, вы несколько повзрослели. Жаль, что это не так.

С уважением,

Дерек Смит.

Кому: Ребекке Брендон

Тема: Re: Re: Re: Re: просьба

Уважаемая миссис Брендон!

Должен признать, меня поразило ваше последнее письмо. Благодарю за фотографии.

Я и в самом деле вижу, как вы стоите на краю пустыни возле жилого трейлера и держите в руках карту Калифорнии. На одной из фотографий я также вижу вашу подругу леди Клиф-Стюарт; правда, не могу с полной уверенностью сказать по «ее измученному лицу», что «ее супруг пропал без вести».

Позвольте уточнить, кто все-таки пропал: ваш отец или муж вашей подруги? Или оба сразу?

С уважением,

Дерек Смит.

Кому: Ребекке Брендон

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: просьба

Уважаемая миссис Брендон!

Боже, какая история! Ваше письмо вышло несколько сумбурным, правильно ли я все понял?

– Ваш отец приехал в Лос-Анджелес, потому что узнал кое-какие новости о своем давнем друге Бренте.

– Затем он исчез, оставив лишь странную записку, в которой обещал «кое-что уладить».

– Он заручился поддержкой лорда Клиф-Стюарта, который в тот момент переживал душевный кризис.

– Кроме того, их сопровождает один малый по имени Брайс (до чего же странные имена в этой Калифорнии!).

– Вы отправились за ними в Лас-Вегас, поскольку опасаетесь, что этот самый Брайс – мошенник и способен обмануть лорда Клиф-Стюарта.

На ваш вопрос я отвечу, что, увы, не могу дать вам «очередной гениальный совет»; за время моей службы в банке ничего подобного не происходило. Был, правда, один сомнительный клиент, который пытался положить на депозит целый мешок двадцатифунтовых банкнот, но я сообщил о нем в налоговую службу. Об этом во всех подробностях вы сможете прочитать в моей книге.

Желаю вам всяческих успехов в поисках. Не стесняйтесь обращаться ко мне за помощью, если вдруг возникнет такая необходимость.

С уважением,

Дерек Смит.

Один

– Ладно, – спокойно говорит Люк. – Только без паники.

«Без паники»? Что значит «без паники»? Нет-нет-нет! Все неправильно. Мой муж в жизни не сказал бы «без паники». Если он говорит «без паники», значит, имеет в виду «какой ужас, нам всем конец!».

Господи, меня сейчас стошнит!

Позади мигают фары и воет полицейская сирена, а я могу думать лишь о трех вещах: «больно ли надевать наручники?», «кому звонить из тюрьмы?» и «пойдет ли мне оранжевая роба?».

К нашему восьмиметровому автодому класса «С» (синие льняные шторы, цветочная обивка, шесть кроватей... хотя кровати – это сильно сказано, скорее уж шесть тощих матрасов поверх деревянных лежаков) направляется полицейский. Выглядит этот тип точь-в-точь, как американские копы из кино: в зеркальных очках, загорелый и с ужасно суровым лицом.

Сердце уходит в пятки, и я ищу, куда бы спрятаться.

Ладно, может, это немного слишком... Впрочем, я всегда нервничаю в присутствии полиции с тех самых пор, как в возрасте пяти лет прихватила в «Хэмлис» шесть пар кукольных туфель. И вот я гуляю себе с набитыми карманами – и вдруг над ухом гремит суровый голос: «Чем это вы занимаетесь, юная леди?!» Я тогда чуть в обморок не упала, а оказалось, что полицейского привлек мой воздушный шарик.

Туфли мама с папой потом отправили обратно в пупырчатом конверте, приложив мою записку с извинениями, а из «Хэмлис» любезно ответили: «Ничего страшного». Наверное, именно в тот момент я поняла, что с помощью вежливого письма можно разрешить многие щекотливые ситуации.

– Люк, – бормочу я. – Быстро! Надо дать взятку? Наличных хватит?

– Бекки, – терпеливо отвечает он, – я же сказал, не волнуйся. Нас остановили из-за какого-нибудь пустяка.

– Нам выйти? – спрашивает Сьюз.

– Лучше оставаться в машине, – возражает Дженис. – Ведите себя так, словно нам нечего скрывать.

– Нам и нечего скрывать, – раздраженно напоминает Алисия. – Мы просто едем отдохнуть.

– У них оружие! – истошно вопит мама, выглядывая в окно. – Оружие, Дженис!

– Джейн, пожалуйста, успокойтесь, – произносит Люк. – Я пойду поговорю с ними.

Он выходит из трейлера, а мы с опаской переглядываемся. Я путешествую со своей лучшей подругой Сьюз, далеко не лучшей «подругой» Алисией, мужем, дочкой Минни, мамой и ее подругой Дженис. Мы направляемся из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас и уже успели несколько раз поругаться: сперва из-за кондиционера, затем из-за мест возле окна и, наконец, из-за желания Дженис играть на кельтском рожке ради успокоения нервов (пять голосов против, один за). Все довольно напряжены, хотя в дороге мы не больше двух часов.

А теперь еще это...

Полицейский подходит к Люку и начинает что-то говорить.

– Собачка, – лепечет Минни, тыча пальцем в окно. – Большая собачка.

К Люку идет второй полицейский, ведя на поводке здоровенную псину. Немецкая овчарка обнюхивает ему ноги, смотрит на автодом и лает.

– Боже! – выдыхает Дженис. – Так и знала. Они из управления по борьбе с наркотиками. Меня выследили!

– Что?

Дженис – дама средних лет, увлекается флористикой и любительским визажем. Что значит «ее выследили»?

– Простите, надо было вам сказать... У меня с собой запрещенные препараты.

На секунду все замирают. Мозг не желает увязывать понятия «Дженис» и «наркотики».

– Какие еще препараты?! – восклицает мама. – Ты о чем?

– Успокоительное. У меня синдром смены часовых поясов, – стонет Дженис. – Врач ничего не выписал, пришлось самой купить через Интернет. Аннабель из бридж-клуба дала одну ссылку, но там была оговорка: «Запрещено к применению в некоторых странах». И теперь собака их унюхает, и нас всех арестуют...

Ее прерывает истошный лай. Овчарка рвется с поводка и скулит, а полицейский поглядывает на нее с нескрываемым раздражением.

– Вы купили запрещенные препараты?! – взрывается Сьюз. – Зачем?!

– Дженис, ты хочешь сорвать поездку? – Кажется, маму вот-вот хватит удар. – Как ты могла привезти в Америку героин?!

– Сомневаюсь, что у нее героин, – вставляю я, но мама и Дженис не слушают.

– Избавься от них! – взвизгивает мама. – Немедленно!

– Вот. – Подруга трясущимися руками достает из сумки две белых коробочки. – Я ни за что не купила бы их, если б знала...

– И что нам с ними делать?

– Давайте все проглотят по пачке, – предлагает Дженис, выковыривая из коробок блистеры с таблетками.

– С ума сошли? – злится Сьюз. – Не собираюсь я глотать непонятно что за таблетки, купленные по Интернету!

– Дженис, ты должна от них избавиться, – настаивает мама. – Выйди и выкинь их куда-нибудь. А мы пока отвлечем полицию. Давайте все на улицу!

– Меня арестуют! – чуть не плачет Дженис.

– Никто тебя не арестует, – твердо говорит мама. – Дженис, слышишь? Никто тебя не арестует. Только быстрее.

Она открывает дверь автодома, и все мы вываливаемся в знойный солнечный день. Мы припарковались на обочине автострады, по обе стороны которой, куда ни посмотри, тянется унылая серая пустыня.

– Скорее, – шипит мама.

Пока Дженис украдкой пробирается за трейлер, мама спешит к полицейским, таща за собой Сьюз и Алисию.

– Джейн, – удивляется Люк. – Вам не обязательно было выходить...

Он бросает на меня хмурый взгляд, словно говорящий: «Какого черта вы тут делаете», и я беспомощно пожимаю плечами.

– Доброе утро, сэр, – говорит мама, обращаясь к первому полицейскому. – Мой зять уже объяснил вам ситуацию? Дело в том, что мой муж отправился на смертельно опасную миссию и пропал...

– Никакая она не «смертельно опасная», – спешу я уточнить.

Всякий раз, когда мама произносит эту фразу, у нее подскакивает давление.

– Его сопровождает лорд Клиф-Стюарт, – продолжает мама. – А это леди Клиф-Стюарт. Они живут в Летерби-Холле – самом величественном здании Англии, – горделиво добавляет она.

– Неважно, – отмахивается Сьюз.

Один из полицейских снимает очки и спрашивает:

– Это как аббатство Даунтон, да? Моя жена обожает этот сериал.

– О, Летерби-Холл куда красивее какого-то там аббатства, – смеется мама. – Вы обязательно должны там побывать.

Краем глаза я замечаю Дженис – та в своем синем костюме-двойке стоит посреди пустыни, по одной выковыривает таблетки из блистера и кидает их под гигантский кактус – прямо у всех на виду. К счастью, полицейские смотрят только на маму, которая во всех подробностях рассказывает о папиной записке.

– Оставил ее на подушке, – негодует она. – Якобы он «ненадолго отъехал». Представляете: женатый мужчина взял и сбежал из дому!

– Господа, – вмешивается наконец Люк, – спасибо, что сообщили о включенных задних фарах. Нам уже можно ехать дальше?

Полицейские задумчиво переглядываются.

– Только без паники, – говорит вдруг Минни и ослепительно улыбается.

– Конечно, – смеется в ответ полицейский. – Какая чудная девочка. Как тебя зовут?

– Никто не арестует, – выдает Минни новую реплику, и воцаряется ледяное молчание.

От страха у меня сводит живот. Улыбка копа словно намертво приклеилась к его губам.

– Прости, что ты сказала? – переспрашивает он. – Мы должны кого-то арестовать?

– Нет-нет, – истерично выпаливаю я. – Просто мы смотрели телевизор. Вы же знаете, как дети...

– А вот и я! – словно из ниоткуда выпрыгивает Дженис. – Дело сделано. Здравствуйте, офицеры, вам чем-нибудь помочь?

– Мэм, где вы были? – Полицейских заметно смущает ее внезапное появление.

– Там, за кактусом. Следовала зову природы, – объясняет та, заметно гордясь своей находчивостью.

– Разве в трейлере нет туалета? – уточняет полицейский.

– О, – разом сникает Дженис. – Господи. Да, наверное, есть... – У нее начинают бегать глаза. – Боже мой... ну... да... Вообще-то... я хотела прогуляться.

– Прогуляться? В пустыне? – Второй полицейский скрещивает на груди руки.

– Никто тебя не арестует, – доверительно сообщает ей Минни, и Дженис подпрыгивает, как ошпаренная кошка.

– Минни! Господи, милая моя! Арестует? Меня? Ха-ха-ха!

– Можете уже заткнуть ребенка? – разъяренно шипит Алисия.

– Я люблю природу... – слабо оправдывается Дженис. – И решила полюбоваться тем кактусом поближе. У него такие красивые... ммм... колючки.

«Красивые колючки»? И это все, что она смогла придумать?! Господи, больше никогда не возьму с собой Дженис.

Полицейские переглядываются. Сейчас скажут, что арестовывают нас или вызывают ФБР... Надо что-то делать. Думай, Бекки, думай...

И тут меня осеняет!

– Сэр! – восклицаю я. – Как чудесно, что мы с вами встретились! У меня есть младший брат, он мечтает стать полицейским и хотел бы пройти стажировку. Можно, он вам позвонит? Сержант Капински, правильно? – Я достаю телефон и

записываю имя со значка. – Он мог бы поработать с вами в паре...

– Мэм, сперва надо оформить заявку и согласовать с начальством, – обескураженно говорит сержант Капински. – Скажите ему, пусть зайдет на наш веб-сайт...

– Но вы ведь замолвите за него словечко? – невинно хлопаю глазами. – Вы завтра работаете? Мы могли бы вечером встретиться. Будем ждать вас возле участка. – Я настойчиво шагаю вперед, и сержант отступает. – Мальчик талантливый. И очень общительный. Он вам понравится. В общем, завтра мы встречаемся, да? Я захвачу пончики!

Сержант Капински, похоже, на грани нервного срыва.

– Можете ехать, – бормочет он и пятится. Через тридцать секунд он с напарником и собакой уезжает прочь.

– Браво, Бекки! – аплодирует Люк.

– Ловко придумано, девочка моя! – ликует мама.

– Нас почти поймали, – трясется Дженис. – Еще чуть-чуть – и все. Надо быть осторожнее!

– Так что случилось? – удивленно спрашивает Люк. – Зачем вы вышли?

– За Дженис выслали наркополицейских, – говорю я и хихикаю, потому что он меняется в лице. – По дороге объясню. Поехали.

Два

Они пропали два дня назад. Скажете, чего, мол, такого: ну, решили мужья отдохнуть в чисто мужской компании, сами через пару дней вернутся, зачем нервничать? В общем-то, в полиции так и решили. Вот только на деле все

гораздо сложнее. У Тарки сейчас не самый простой период. И, возможно, Брайс «промывает ему мозги», чтобы, выражаясь словами Сьюз, «заманить в какую-нибудь секту».

Конечно, это всего лишь теория. Точнее, одна из теорий. Если быть честной (правда, Сьюз я ничего не говорю), вполне может оказаться так, что папа с Тарки все это время торчат где-нибудь в круглосуточном кафе на Аллее звезд. Сьюз, в свою очередь, уверена, что Брайс уже обобрал Тарки до нитки и бросил его тело гнить в ближайшей канаве.

Что нам нужно, так это план действий. Доска, как в полицейских сериалах, – там крепятся разные улики и рисуют стрелочки. В центр надо повесить фотографии папы и Тарки... хотя нет, не стоит, так они будут слишком похожи на жертв преступления. Но нам нужно поставить перед собой конкретные задачи. А то мы пока едем неизвестно куда.

Утром в полной суматохе мы собрали детей Сьюз и вручили их няне (присмотрит за ними, пока мы в отъезде). Люк на рассвете пригнал арендованный автодом. Я разбудила маму и Дженис (они только-только легли спать, потому что буквально пару часов назад прилетели из Англии), мы запрыгнули в трейлер и скомандовали: «В Вегас!»

По правде говоря, трейлер не так уж нам и нужен... Люк выступал за то, чтобы ехать на двух машинах. Я же выдвинула встречный аргумент: в пути нам нужно общаться и строить планы. Поэтому без трейлера никак. И вообще, представьте себе: путешествовать по Штатам – и не в автодоме?

С тех пор Сьюз только и делает, что ищет в сети информацию о сектах (зря, конечно, потому что с каждой минутой она расстраивается все сильнее, особенно когда прочитала про тех типов, которые красят лица в белый и женятся на животных). Люк по телефону дает указания своему помощнику Гэри – тот замещает его на конференции в Лондоне. У Люка свое пиар-агентство, но он отложил все дела, чтобы отвезти нас в Вегас. Очень мило с его стороны... Надо будет обязательно отблагодарить его тем же.

Дженис и мама строят теории, одна безумнее другой. Например, что папа сорвался и ушел жить в пустыню в одном лишь пончо. (Каком еще пончо?) Минни повторяет: «Кактус, мама. Кактус!» – и так примерно тысячу раз. А я молча сижу,

поглаживаю ее по голове и предаюсь размышлениям. Не слишком, правда, успешно. Думается плохо.

Я стараюсь быть, как всегда, жизнерадостной и бодрой. Пытаюсь всех веселить и поднять общий дух. Однако стоит расслабиться – и меня захлестывает ужасное чувство стыда. Потому что на самом деле все произошло из-за меня.

Через полчаса мы останавливаемся возле закусочной позавтракать. Я веду Минни в туалет, где мы долго говорим о разных сортах мыла, и она в конце концов решает перепробовать все дозаторы, на что уходит целая вечность. Когда мы возвращаемся в зал, Сьюз стоит в одиночестве, глядя на древний плакат. Я смущенно подхожу к ней.

– Сьюз, – начинаю в который раз. – Слушай... Прости.

– За что? – Она даже не смотрит на меня.

– Сама знаешь. За все...

Я в полном отчаянии и не представляю, что говорить дальше. Сьюз – моя лучшая подруга, с ней всегда было легко и просто. А сейчас мы словно разыгрываем пьесу, только я забыла свою роль, а она даже не пытается мне подсказать.

За последние несколько недель, что мы провели в Лос-Анджелесе, все изменилось. Не только между мной и Сьюз – вообще все. Я потеряла голову. Ушла в занос. Мне так сильно хотелось стать звездным стилистом, что я перестаралась. Поверить не могу: только вчера вечером я стояла на красной дорожке и понимала, что не хочу возвращаться в кинозал ко всем этим звездам. Словно все это время я находилась в мыльном пузыре, а он вдруг – бабах! – лопнул.

Люк мне помог. Прошлой ночью мы долго говорили и сумели во всем разобраться. То, что случилось со мной в Голливуде, было сумасбродством. Я в одночасье стала знаменитой и подхватила звездную болезнь. Близкие не будут держать на меня зла, сказал он. Они меня простят.

Ну, они-то, может, и простят. А вот Сьюз – вряд ли.

Хуже всего то, что прошлым вечером я решила, будто все наладилось. Сьюз умоляла поехать с ней, плакала и говорила, что скучает, – и мне сразу стало легче. Теперь же, здесь, все опять по-другому. Она ведет себя так, будто жалеет, что позвала меня. Не хочет ничего обсуждать и излучает враждебность.

Нет, я понимаю, что она переживает за Тарки, и надо проявить к ней снисхождение. Просто... это трудно.

– Неважно, – резко говорит Сьюз и, так и не обернувшись, идет к столику.

Я следую за ней под пренебрежительным взглядом Алисии. Поверить не могу, что она поехала с нами – Алисия, Длинноногая Стерва, мой самый заклятый враг.

Точнее, Алисия Меррелл. Недавно она вышла замуж за Уилтона Меррелла, основателя «Золотого покоя», известного центра реабилитации и йоги. Мне это место нравилось – там проводят разные мастер-классы и есть большущий магазин сувениров. Нам всем оно нравилось – пока Тарки не стал постоянно зависать с тамошним инструктором Брайсом. Он заявил Сьюз, что она «вредительница», и вообще начал вести себя странно (точнее, более странно, чем обычно, потому что он всегда был немного «того», наш старина Тарки).

Именно Алисия выяснила, что они отправились в Лас-Вегас. А еще установила в трейлере кулер с кокосовой водой. Алисия – настоящая героиня. Вот только я ей не доверяю. Я терпеть ее не могу с самого первого дня знакомства. Она пыталась разрушить мою жизнь и жизнь Люка, унижала при каждом удобном случае и заставляла чувствовать себя глупой девчонкой. Теперь она говорит, что все это в прошлом, мы должны забыть о разногласиях и двигаться дальше. А я никак не могу ей поверить.

– Вот что я думаю, – говорю, пытаюсь выглядеть собранной. – Нам нужен план.

Я достаю ручку и блокнот, пишу на листе крупными буквами слово «ПЛАН» и кладу на стол, чтобы все видели.

– Давайте перечислим известные нам факты.

– Твой отец втянул двоих людей в какую-то миссию, связанную с его прошлым. Но ты не знаешь, в чем дело, потому что не удосужилась его спросить, – как всегда, упрекает меня Сьюз.

– Верно, – не спорю я. – Прости.

Мне и впрямь стоило уделять папе больше внимания. Если б можно было повернуть время вспять, я бы, конечно, все сделала по-другому. Увы, остается лишь исправлять ошибки.

– Итак, вот что нам известно. – Я пытаюсь выглядеть бодрой. – Грэхем Блумвуд приезжает в Америку в тысяча девятьсот семьдесят втором году. Он путешествует по стране вместе с тремя друзьями-американцами – Brentom, Кори и Реймондом – по этому маршруту.

Я разворачиваю отцовскую карту и указываю на кривую загогулину, очерченную красной шариковой ручкой.

Все мы миллионный раз глядим на карту – старую, потрепанную и самую обычную на вид. Толку от нашего внимания ноль, но мы все равно ее изучаем. Я обыскала отцовскую комнату после его исчезновения, однако нашла лишь эту карту да старый журнал.

– Значит, так... – задумчиво тянет Сьюз. – Лос-Анджелес... Лас-Вегас... Слушай, они заезжали в Большой каньон!

– Сейчас они могли поехать другим путем, – говорю я прежде, чем она решит взять вертолет и отправиться напрямик к каньону.

– Твой отец часто следует привычкам? – спрашивает Алисия. – Можно ли сказать, что он рутинер?

Рутинер? Это еще что такое?

– Ну... Иногда. Наверное.

Алисия обожает задавать каверзные вопросы. Теперь она щурится с таким довольным видом, будто хочет заявить: «Эй, ты ведь не знаешь, что это такое, верно?»

Общается она таким приторным голоском, что мороз по коже. Алисия полностью сменила стиль с тех пор, как переехала из Лондона. Бывшая пиарщица теперь носит штаны для йоги, завязывает волосы в хвост и сыплет новомодными выражениями – вот только высокомерия ни капли не убавилось.

– Иногда он следует привычкам, иногда нет, – импровизирую я. – По-разному.

– Бекс, у тебя должно быть больше информации, – обиженно говорит Сьюз. – Расскажи еще раз о трейлерном парке. Может, ты что-то упустила.

Я покорно начинаю:

– Папа просил разыскать его старого приятеля Брента. Я нашла адрес. Оказалось, он жил в трейлерном парке, но его только что выселили.

Мне становится жарко, и я делаю глоток воды. Здесь я напортачила больше всего. Папа просил найти Брента, а я все тянула и тянула, потому что... Ну, потому что жизнь в Голливуде оказалась слишком интересной, и мне было не до каких-то там дурацких поручений. Если бы я не опоздала, папа успел бы поговорить с Брентом прежде, чем тот уехал. И тогда, возможно, все обернулось бы иначе.

– Папа не поверил, – подвожу я итог. – Он считал Брента богачом.

– Почему? – удивляется Сьюз. – Они ведь не виделись лет тридцать? Или даже сорок?

– Не знаю. Но он думал, что Брент живет в роскошном особняке.

– То есть твой отец прилетел в Лос-Анджелес сам?

– Да. И, судя по всему, съездил в трейлерный парк. Чтобы что-то «прояснить».

– Так тебе сказала дочь Брента. – Пауза. – Ребекка.

Все мы затихаем. Это самая странная часть истории. Я снова и снова проигрываю в голове ту сцену. Вот я встречаю возле трейлера дочь Брента. От нее исходит враждебность – просто парит, как асфальт на жаре. Не успеваю я удивиться, что такого ей сделала, как она заявляет: «Нас всех называли Ребекками». Я так и не поняла, что она хотела этим сказать. Пояснять, конечно же, эта наглая девица не стала.

– Что еще она говорила? – не унимается Сьюз.

– Ничего. Только «Раз вы не в курсе, я ничего не скажу».

– Да уж.

Сьюз закатывает глаза.

– Кажется, я ей не понравилась. Не знаю почему.

Лучше умолчать о том, что она обозвала меня «чирикающей принцессой» и велела выметаться.

– И она ничего не говорила о Кори?

Сьюз крутит на столе ручку.

– Нет.

– Он живет в Лас-Вегасе. Может, твой отец отправился к нему?

– Наверное.

– Что значит «наверное»? – взрывается Сьюз. – Бекс, нам нужно знать точно!

Понятно, что Сьюз ждет от меня ответов. Однако мы с мамой даже фамилии этого самого Кори или, допустим, Реймонда не помним. Мама говорит, что отец

рассказывал о той поездке редко, разве что на Рождество, и она не особо вслушивалась (потому что всякий раз думала про себя: зачем было мотаться по знойной Долине смерти, когда лучше остановиться в отеле с бассейном?).

Я даже вбивала в «Гугл» запросы вроде «Кори Лас-Вегас», «Кори Грэхем Блумвуд», «Кори Брент». Беда в том, что в Лас-Вегасе живет слишком много типов по имени Кори.

– Ладно. – Алисия на миг отрывается от сотового телефона. – В любом случае спасибо.

Алисия обзванивает всех знакомых – вдруг Брайс упоминал, где остановится в Лас-Вегасе. Жаль только, никто ничего не знает.

– Новостей нет?

– Нет, – вздыхает она. – Сюэз, прости, от меня никакой помощи.

– Не говори так! – тут же отвечает та, хватая ее за руку. – Ты – ангел!

Меня они совершенно не замечают. Наверное, нам и впрямь стоит сделать перерыв... Я выдавливаю улыбку.

– Пора размяться. На заднем дворе вроде бы есть контактный зоопарк для детей. Закажите мне вафли с кленовым сиропом, пожалуйста. И блинчики для Минни и еще клубничный молочный коктейль. Пойдем, солнышко.

Я беру крохотную ладошку Минни, и на сердце вмиг теплеет. Хотя бы дочка любит меня, несмотря ни на что.

(По крайней мере, пока я не запрещаю ей в тринадцать лет надевать в школу микро-юбки. Тогда она вмиг меня возненавидит.)

(Господи, осталось всего одиннадцать лет! И почему ей не может всегда быть два с половиной?)

Три

По дороге мы сталкиваемся с мамой и Дженис – те как раз выходят из женского туалета. У Дженис на лбу белые очки, и Минни при их виде восхищенно вздыхает.

– Красивые. – Она тычет в них пальцем. – Можно?

– Ох, милая, тебе нравится? – восклицает Дженис. Она снимает их и протягивает Минни, а я ужасаюсь:

– Дженис! Не надо!

– Все хорошо, – посмеивается та. – У меня этих очков сотни.

Надо признать, большие очки Минни идут. И все же мы не можем их взять.

– Минни, – строго говорю я, – ты даже не сказала спасибо. И нельзя выпрашивать чужие вещи. Что теперь будет делать бедная Дженис?

Очки сползают Минни на нос, и она, придерживая их одной рукой, надолго задумывается.

– Спасибо, – говорит она в конце концов. – Спасибо, Венис.

(«Дженис» она пока не выговаривает.) А потом вытаскивает из волос розовую заколку-бантик и сует в руки Дженис.

– Вот.

Я невольно хихикаю:

– Минни, взрослые не носят такие заколки.

– Ничего подобного! – возражает Дженис. – Очень красивая, спасибо, Минни.

Она прикалывает бант к седым волосам, где он, конечно же, совсем не смотрится, а я вдруг понимаю, как сильно ее люблю. Я знаю Дженис всю жизнь, она всегда была немножко странной – но только посмотрите на нее! В таком возрасте сорвалась с места и прилетела на другой конец света лишь затем, чтобы утешить маму. А еще она постоянно развлекает нас историями со своих курсов флористики и вообще следит, чтобы мы не заскучали (история с наркотиками, естественно, не в счет).

– Спасибо, что приехала, Дженис!

Я порываюсь обнять ее, хоть это и непросто, потому что у нее под рубашкой сильно выдается вперед, как беременный живот, поясная сумка. Мама тоже такую носит – это, мол, безопаснее, хотя как по мне, подобные штуки только привлекают интерес грабителей: «Внимание, вся наличка здесь!» Впрочем, эти мысли я держу при себе, потому что мама и без того переживает.

– Мама... – Ее я тоже обнимаю. – Не волнуйся. Уверена, с папой все хорошо.

– Конечно, Бекки, – натянуто отвечает она. – Просто все эти тайны и секреты... в моем возрасте уже не до них.

– Понимаю, – мягко отвечаю я.

– Папа не хотел называть тебя Ребеккой. Это я выбрала имя.

– Я помню.

Мы говорили на эту тему уже раз двадцать. Собственно, первое, что я спросила у нее при встрече, – почему меня назвали Ребеккой?

– Просто тогда я прочитала ту книгу, – продолжает мама. – Дафны дю Морье.

– Да, знаю, – терпеливо киваю я.

– А папа не хотел. Ему нравилось имя Генриетта.

Мама страдальчески морщится.

– Генриетта! – фыркаю я. Ну какая из меня Генриетта?

– Но почему он не хотел называть тебя Ребеккой?!

Голос мамы становится громче, чуть ли не срываясь на визг.

Наступает тишина, только щелкают жемчужины в мамином колье, которое она нервно тербит руками. Мне больно видеть, как дрожат ее пальцы. Колье ей подарил папа, оно старинное, тысяча восемьсот девяносто пятого года (я сама помогала его выбирать). Мама в тот день была такой счастливой... Папа каждый год получает ББ – так мы называем Большой Бонус, – и устраивает нам всякие приятные сюрпризы.

В общем, папа у меня удивительный. Ему по-прежнему выплачивают крупные гонорары, хотя он уже несколько лет не занимается страхованием. Люк говорит, что папа, судя по всему, редкий специалист в узкой сфере, раз его услуги так щедро оплачивают. Папа же обычно скромничает, никогда не хвастается и все деньги тратит на нас. Вот такой он человек. Добрый. Заботливый. И сбежать без предупреждения – это очень на него непохоже.

Я осторожно выпутываю жемчуг из маминых пальцев.

– Не надо, порвешь. Мама, пожалуйста, успокойся.

Дженис берет ее за руку.

– Пойдем, Джейн. Сядем за столик, закажем что-нибудь перекусить. Представляешь, кофе здесь у них без ограничений, чашку можно наполнять снова и снова – сколько захочется! Бесплатно! Это ж так здорово. Лучше, чем всякие там латте и грандачино...

Они уходят, а мы с Минни наконец попадаем во двор. Снаружи мне сразу становится легче, несмотря на палящее солнце. Все сейчас напряженные и злые. Мне надо бы сесть и серьезно поговорить со Сьюз, но ничего не выйдет, пока рядом крутится Алисия...

О-о-о, вот это да!

Я замираю как вкопанная, однако гляжу не на захудалый загон с животными, где под видом «контактного зоопарка» стоят три жалкие козочки, а на табличку «Ярмарка народных промыслов». Наверное, стоит сходить, взбодриться немного, купить пару сувениров... А заодно поддержать местную экономику. Да. Точно.

Впереди штук шесть открытых киосков с одеждой и поделками. Возле одного стоит тощая девица в замшевых сапожках на высоком каблуке. Она складывает в корзинку бусы, то и дело восклицая: «Ух ты, какие классные! Отличный подарок на Рождество, куплю несколько штук!»

Я подхожу ближе, как вдруг из-за одного прилавка появляется седая старая леди, и я невольно вздрагиваю. Она и сама похожа на куклу ручной работы – вся смуглая и морщинистая, точно дубовая коряга. На ней кожаная шляпа, перехваченная шнуром под подбородком, и длинная клетчатая юбка, которой лет сто, не меньше. Во рту заметно не хватает зубов.

– У вас отпуск? Отдыхаете? – интересуется дама, когда я принимаюсь перебирать кожаные сумки.

– Ну... Не совсем, – честно отвечаю я. – Путешествую. Ищу кое-кого.

– А, охотитесь, – понятиливо кивает она. – Мой дед был охотником за головами.

Охотником за головами? Клево! До чего же интересная профессия. Я невольно представляю визитку с ковбойской шляпой в уголке: «Ребекка Брендон. Охотница за головами».

– Ну, я тоже вроде как этим занимаюсь, – слышу свой собственный беспечный голос.

Так ведь оно и есть. Я же ищу людей, правда? Фактически охочусь за ними...

– Может, поделитесь опытом, дадите совет? – прошу я.

– Запросто, – сипло соглашается старая леди. – Мой дедушка часто говаривал: «Не догоняй, а загоняй».

– «Не догоняй, а загоняй»? – эхом повторяю я. – Что бы это значило?

– Это значит – будь умнее. Не ищи беглеца – ищи его друзей. Семью.

Она вдруг выкладывает на прилавок темно-коричневую сумку странной формы.

– Вот прекрасная кобура для вас, мэм. Ручная работа.

Кобура?

Это которая для... для револьвера?

– О! Точно! Кобура. Здорово. Дело в том, что... – Я смущенно кашляю. – У меня нет оружия.

– Как это нет оружия?!

Теперь я чувствую себя размазней. В жизни не держала в руке пистолет, не говоря уж о том, чтобы купить свой собственный. А ведь стоило бы об этом задуматься. Мы же на Диком Западе, так? Значит, нужны сапоги, шляпа и револьвер. Наверняка здесь все девушки первым делом оценивают твое оружие, а вовсе не сумочку.

– Я хотела сказать, с собой, – тут же уточняю. – А когда возьму, то обязательно вернусь и подберу кобуру.

Отходя от прилавка, я думаю, где бы побыстрее взять уроки стрельбы, получить лицензию на огнестрельное оружие и купить «глюк». То есть «глок». Или лучше «смит-вессон»? Я ведь в них совершенно не разбираюсь! И почему только не выпускают оружейный «Вог»?..

Я подхожу к следующему столу, где та тощая девчонка набивает уже вторую корзинку.

– Привет, – весело говорит она. – Представляете, эти платки идут со скидкой пятьдесят процентов!

– На некоторые даже семьдесят пять, – вмешивается владелица (в ее седую косу вплетены цветные ленточки – выглядит супер!) – У нас распродажа-ликвидация.

– Ничего себе!

Я поднимаю один платок. Он и впрямь из очень мягкой шерсти с красивой вышивкой. Шикарная вещь за такую-то цену.

– Я беру два – себе и маме, – продолжает откровенничать девица. – А вам стоит взглянуть на ремни. – Она указывает на соседний прилавок. – Их много не бывает, согласитесь?

– Верно. Ремни – основа любого гардероба.

– Точно, – с энтузиазмом кивает девица и спрашивает продавца: – А можно еще корзинку? Вы «Американ Экспресс» принимаете?

Пока они возятся с терминалом для оплаты, я перебираю платки. Странно. То ли у меня не лежит к ним душа, то ли еще что, но я, несмотря на все великолепие шерсти, вовсе не хочу их покупать. Словно без аппетита гляжу на тележку десертов.

Поэтому я направляюсь к следующему прилавку взглянуть на ремни.

Они и правда шикарные. С тяжелыми красивыми пряжками, разных цветов... И все же с ними что-то не так. Потому что мне совершенно не хочется их покупать. Более того, от одной этой мысли начинает тошнить. Ничего не понимаю.

Девица тем временем выставляет на прилавок пять битком набитых корзинок и роется в сумочке «Майкл Корс».

– Я уверена, что с той кредиткой все в порядке, – раздраженно фыркает она. – Ладно, давайте попробуем другую... О, черт!

Она роняет сумку и наклоняется, чтобы собрать вещи. Я хочу помочь ей – но меня окликают по имени. Из дверей закуской выглядывает Сьюз.

– Бекс! Твой заказ принесли... – Она осекается и окидывает взглядом пять полных корзинок на прилавке. – О, все как всегда. Ты ходишь по магазинам. Как будто у нас дел больше нет.

От ее осуждающего тона лицо заливается краской. Однако я молчу. Нет смысла оправдываться. Сьюз все равно найдет, в чем меня обвинить. Она исчезает, и я облегченно вздыхаю.

– Пойдем, Минни! – говорю как можно беззаботнее. – Позавтракаем. Вдруг тебе достанется молочный коктейль?

– Коктейль! – радуется Минни. – От коровы? Шоколадной коровы?

– Нет. Сегодня – от клубничной, – отвечаю я, щечка ей подбородок.

Да-да, я знаю, когда-нибудь придется рассказать Минни правду, но пока я не могу. Это так мило. Она искренне верит, что коровы бывают шоколадными, ванильными и клубничными.

– От самой вкусной клубничной коровы, – слышится голос Люка. Обернувшись, я вижу его в дверях закуской. – Кушать подано, – подмигивает он.

– Спасибо. Уже идем.

– Покачаете? – спрашивает Минни, с надеждой морща нос, и Люк хохочет.

– Иди сюда, глупышка.

Мы становимся рядом, берем Минни за руки, и она счастливо болтает ногами.

– Как ты? – спрашивает Люк. – Что-то в трейлере ты совсем притихла.

– О, – смущаюсь я. Надо же, заметил. – Ну, я просто думала...

Это не совсем так. Я молчала, потому что мне не с кем было говорить. С одной стороны шушукались Сьюз и Алисия, с другой – мама и Дженис, а мне в компанию досталась Минни, которая весь день смотрела на планшете «Зачарованных».

Не то чтобы я сразу сдалась... Как только мы выехали из Лос-Анджелеса, я села рядом со Сьюз и попыталась ее обнять, но она меня оттолкнула. Я почувствовала себя полной дурой и вернулась на свое место, делая вид, что разглядываю пейзаж за окном.

Впрочем, Люку я ничего рассказывать не стану. Он и так взвалил на себя ответственность за всех нас. Ему только моих глупых проблем не хватает. Лучше я буду вести себя спокойно и сдержанно, как и подобает замужней даме.

– Спасибо, что поехал с нами. Я ведь знаю, как ты занят.

– Ни за что в жизни не пустил бы вас в пустыню одних, – усмехается он.

Это Сьюз решила ехать в Лас-Вегас. Они с Алисией были уверены, что по пути обязательно догонят Брайса. Однако пока мы никого не догнали и ехали неизвестно куда, не забронировав гостиницу, не имея плана действий, не...

Не поймите меня превратно, я знаю, что нам надо спешить. Однако даже я вижу, какой сумасшедшей получается поездка. Правда, говорить этого нельзя, иначе Сьюз откусит мне голову. Опять накатывает отчаяние, и я уже не могу держать его в себе. Ладно, побуду спокойной и сдержанной супругой в другой раз.

– Люк, боюсь, мы расходимся! Она не смотрит на меня, не разговаривает...

– Кто, Сьюз? Да, я заметил.

– Я не могу потерять Сьюз. – Голос у меня дрожит. – Не могу. Она ведь моя заполночная подруга.

– Какая? – не понимает Люк.

– Заполночная. Это значит, ей можно позвонить в любое время, хоть за полночь, и она сразу же примчится на помощь. Как Дженис для мамы, Гэри для тебя...

– Ясно. Я понял.

Гэри – самый надежный друг на свете. Он обожает Люка и всегда готов прикрыть ему спину. Я думала, что у меня и Сьюз то же самое...

– А теперь, если у меня вдруг случится беда, я не смогу ей позвонить, – жалобно всхлипываю. – Скорее всего она велит мне проваливать.

– Чепуха, – отмахивается Люк. – Сьюз любит тебя, как и прежде.

– Уже нет... И я ее не осуждаю, ведь это я во всем виновата.

– Что за глупости? – удивленно фыркает Люк. – При чем здесь ты?

Я в замешательстве хлопаю глазами.

– Если бы я не тянула с поездкой к Бренту, нас здесь сейчас не было бы...

– Бекки, ты ни в чем не виновата, – твердо заявляет Люк. – Откуда ты знаешь, что случилось бы тогда? Твой отец и Тарки, между прочим, взрослые люди. Не вздумай ни в чем себя винить. Хорошо?

Вроде бы он рассуждает логично, но все равно Люк неправ. Он не понимает.

– Ладно, – вздыхаю я. – Так или иначе, Сьюз теперь общается только с Алисией.

– Ты ведь понимаешь, что Алисия пытается вывести тебя из равновесия?

– Правда?

– Это же очевидно! Она несет всякий бред. «Рутинер»... Что это еще за слово – она сама придумала?

– Точно? – От сердца заметно отлегают. – А я думала, просто я такая глупая...

– Глупая? Что ты! – Люк отпускает Минни и притягивает меня ближе, чтобы заглянуть прямо в глаза. – Паркуешься ты, конечно, ужасно, но все равно далеко не дура. Бекки, не позволяй этой ведьме себя достать.

– По-моему, она что-то замышляет, – говорю я тише, хотя рядом никого нет. – Я про Алисию.

– Что?

– Пока не знаю. Но обязательно выясню.

Люк выгибает бровь.

– Скажу только одно: будь осторожнее. Сьюз сейчас очень нелегко.

Люк крепко меня обнимает, а я позволяю себе расслабиться. Надо же, как я, оказывается, устала...

– Пойдем к остальным, – предлагает он в конце концов. – И кстати, Дженис поспешила с теми таблетками. Я посмотрел их состав: обычный аспирин, только на латыни.

– Неужели? – Я еле сдерживаю смех, вспоминая, как Дженис судорожно высыпает таблетки под кактус. – Главное, ей не говори.

Стол уже накрыли, но не ест никто, кроме Дженис, которая вовсю уплетает яичницу. Мама яростно размешивает кофе. Сьюз грызет ноготь на большом пальце (она всегда так делает, если расстроена), а Алисия сыпет в чашку зеленый порошок – очередную жутко полезную гадость.

– Всем привет! – восклицаю я, усаживаясь на стул. – Как тут кормят?

– Мы пытаемся думать! – рычит Сьюз. – Правда, в такой обстановке это невозможно.

Алисия что-то шепчет ей на ухо, Сьюз кивает, и обе зыркают в мою сторону. Такое впечатление, будто я опять вернулась в школу, и злые девчонки смеются над моим старым ранцем. (Мама заставляла носить его, даже когда он вышел из моды, потому что новый стоил баснословных денег. Не то чтобы я держала на нее обиду... но это старье высмеивали каждый божий день!)

Ладно, не буду расстраиваться. Я ведь взрослая состоятельная женщина.

Беру вафлю, подтягиваю к себе папину карту и задумчиво гляжу на красную загогулину. В голове бьются слова той мудрой старухи: «Ищи его друзей. Семейю».

В чем бы ни заключалась папина тайна, в деле были замешаны все четверо. Вернемся к началу. Кори, папин друг, живет в Лас-Вегасе. Он – наша главная зацепка. Надо его найти. «Будь умнее». Умнее... но как?

Наверняка я знаю больше, чем думаю; надо сосредоточиться и вспомнить. Я закрываю глаза и мыслями возвращаюсь в прошлое. Рождество. Я сижу у камина в нашем доме в Оксшотте. Сладко пахнет шоколадом и апельсинами. Папа расстелил на журнальном столике карту и рассказывает о поездке в Америку. В памяти всплывают обрывки его слов.

...а потом костер как полыхнет! Вот что я вам скажу: больше никаких пикников...

...есть такое выражение «упрямый как мул» – так я теперь знаю, откуда оно пошло.

...то несчастное создание в жизни не спустилось бы само в каньон...

...мы пробовали местное пиво и засиделись до поздней ночи...

...Брент и Кори – умные ребята, получили степень...

...делились идеями, обсуждали свои научные теории...

...у Кори были деньги, он вроде из богатой семьи...

...нет ничего лучше, чем ночевать под открытым небом и любоваться рассветом...

...мы чуть в ущелье не сорвались, потому что Реймонд свернул не туда...

...Кори сделал пару набросков. Он прекрасно рисует. Впрочем, и во всем остальном тоже хорош...

Постойте-ка!

Кори прекрасно рисует. Вроде бы отец что-то говорил про его картины... Как я могла забыть? Вспоминай, Бекки, вспоминай!..

Надо признать, я отлично лажу со своей памятью. Начисто, как по команде, забываю о долгах по кредитке и всяких глупых недоразумениях. Весьма полезный навык, между прочим. Теперь же я приказывала себе вспомнить. Заглянуть во все пыльные уголки памяти, куда я ни разу не удосуживалась сунуть нос и как следует прибраться. Я ведь знаю, было там что-то очень важное, надо только понять, что именно...

Есть!

...на каждой своей картине он вместо подписи рисовал маленькую фигурку орла...

Я распахиваю глаза. Орел! Пусть это мелочь, но теперь у нас есть хоть какая-то зацепка!

Я вытаскиваю телефон, набираю «Кори художник орел Лас-Вегас» и жду результатов. Сигнала нет, и я нетерпеливо тыкаю в клавиатуру, мысленно перебирая, что еще знаю об этом типе. Художник. Из богатой семьи. Есть ученая степень. Может, еще какие подсказки?

– Мне только что написал последний знакомый Брайса, – говорит Алисия, поднимая глаза от телефона. – Прости, Сьюз, ничего... Наверное, нам лучше вернуться в Лос-Анджелес и составить новый план.

– Предлагаешь сдать?

У Сьюз страдальчески вытягивается лицо. Мне за нее страшно. В дорогу нас погнали адреналин и азарт. Если сейчас повернем обратно, Сьюз не выдержит и закатит истерику.

– Рано сдаваться, – как можно тверже говорю я. – Уверена, если хорошенько подумать...

– Что тогда, Бекс? Это все красивые слова, но чем ты в самом деле можешь помочь? Да ничем! Вот что, например, ты сейчас делаешь? – Сьюз сердито указывает на мой телефон. – В интернет-магазине сидишь, да?

– Неправда! – обиженно выпаливаю я. – Провожу собственное расследование!

– Какое еще расследование?

Дурацкий телефон завис. Я в который раз нетерпеливо тыкаю кнопку «обновить».

– Люк, у тебя же есть связи! – перебивает мама. – Ты знаком с премьер-министром. Вдруг он чем-нибудь поможет?

– С каким еще премьер-министром? – поражается тот.

На экране внезапно один за другим всплывают результаты поиска. Я пролистываю страницу и мысленно ликую. Вот он! Тот самый Кори, папин приятель!

...Местный художник Кори Эндрюс... орел вместо подписи... выставлялся в Лас-Вегасе...

Это ведь точно он, да?

Набрав «Кори Эндрюс», я задерживаю дыхание. Пару секунд спустя страница обновляется. Ссылка на «Википедию», бизнес-отчеты, недвижимость, какая-то компания «Фейрлайт инноватикс». И везде – один и тот же парень. Кори Эндрюс,

Лас-Вегас. Я нашла его!

– Ну, или тот твой знакомый из Банка Англии, – упорствует мама.

– Вы о главе Банка Англии? – после некоторой заминки выдает Люк.

– Да, о нем! Позвони ему!

Люк очень смешно меняется в лице. Видимо, мама и впрямь рассчитывает, что зять соберет Кабинет министров в полном составе и снарядит их на поиски папы.

– Вряд ли он сумеет помочь, – вежливо отвечает Люк и поворачивается к Алисии. – У тебя больше никаких идей?

– Нет, – вздыхает та. – Боюсь, мы в тупике.

– Кажется, кое-что нашла... – нервно начинаю я, и все дружно поворачиваются в мою сторону.

– Ты? – с сомнением уточняет Сьюз.

– Я нашла того Кори, папиного приятеля. Кори Эндрюс, так его зовут. Мама, правильно?

– Кори Эндрюс... – хмурится мама. – Да, его вполне могли так звать. – Лоб у нее вдруг разглаживается. – Да, Бекки, я уверена! Кори Эндрюс! Тот богач, о котором рассказывал папа. Он ведь художник, верно?

– Все верно! И он живет в Лас-Вегасе. Я нашла адрес.

– Отлично, Бекки, ты молодец, – говорит Дженис, и у меня невольно вспыхивают щеки.

– Как тебе удалось? – выпаливает донельзя оскорбленная Алисия.

– Я... ну... просто у меня нестандартное мышление. Вот адрес, – протягиваю я телефон Люку.

Кому: Брендон, Ребекке

Тема: Re: заявка в охотники за головами

Уважаемая миссис Брендон!

Если вы желаете вступить в ряды международной Ассоциации по поимке беглецов, просим заполнить анкету и выслать ее нам вместе со вступительным взносом в размере 95\$, после чего вы получите удостоверение со всеми причитающимися льготами, о которых в общих чертах рассказано на нашем сайте.

Увы, мы не выпускаем значки «Охотник за головами» и прочие аксессуары.

Мы, конечно же, предоставим доступ к нашим учебным материалам, однако среди них нет курса «Как разыскать пропавшего отца» или «Как сохранить дружеские отношения с коллегами-охотниками».

Желаем успеха в ваших начинаниях.

С уважением,

Уайт Андервуд,

секретарь международной Ассоциации по поимке беглецов.

Четыре

Теперь, когда мы обрели конкретную цель, атмосфера в трейлере изменилась. Мама и Дженис затихли, Сьюз и Алисия сидят напротив и о чем-то шушукуются, а я играю с Минни и думаю о Брайсе.

Его полное имя Брайс Перри, и он – инструктор по личностному росту в «Золотом покое». Я познакомилась с ним на очередном мастер-классе. И теперь вот размышляю: а с чего Тарки вообще попал под его влияние? И почему папа позвал с собой малознакомого типа? Откуда такое доверие? Хотя ответ вроде бы очевиден: Брайс – потрясающе красивый парень.

Не в том смысле, что он гей. Просто красивые люди – особенно brutальные мужчины с легкой щетиной и пронзительными глазами – излучают особое обаяние, и вы верите каждому их слову. Если завтра, например, я встречу Уилла Смита, и тот попросит спрятать его от коррумпированных властей, я не стану задавать лишних вопросов.

С Брайсом то же самое. У него такой взгляд, что коленки слабеют. Он тебя словно гипнотизирует. Только и думаешь: «Да, Брайс! Ты прав! Абсолютно прав!», даже если он всего лишь объясняет, как выполнять упражнение по йоге.

Сьюз тоже попала под его чары, уж я-то знаю. Как и все мы. А Тарки не повезло вдвойне, потому что на момент встречи с Брайсом у него был кризис. Он ссорился с родственниками, боялся банкротства, пребывал в полном унынии... и тут вдруг удачно подворачивается харизматичный Брайс, предлагает дружескую поддержку и развлечения вроде пляжного волейбола... Неудивительно, что Тарки купился.

И неудивительно, что Брайсу нужны его деньги. На любой капитал мошенники слетаются как мотыльки на свет. Бедняга Тарки... У него огромные счета в банке, шикарные особняки, куча антиквариата – но вряд ли все это делает его счастливым...

– Так, нам ехать еще минут двадцать, – врывается в мои мысли голос Люка, и я подсакиваю. Как, впрочем, и все остальные.

– Двадцать минут?!

– Уже?

– Но ведь мы еще не в Лас-Вегасе!

– Мы на окраине. – Люк поглядывает на карту навигатора. – Похоже, это спальный район. Здесь куча гольф-клубов.

– Точно! – взволнованно восклицает Дженис. – Наверное, Грэхем поехал к друзьям сыграть в гольф. Джейн, как думаешь?

– Ну, он любит гольф... – неуверенно тянет мама. – Сьюз, а как Тарки относится к гольфу?

– Иногда играет, – с таким же сомнением отвечает та.

– Тогда все ясно! – хлопает Дженис в ладони. – Они просто решили устроить турнир!

Турнир?

Мы недоуменно переглядываемся. Папа затеял внезапную поездку в пустыню ради партии гольфа? А мы сломя голову помчались вслед за ним лишь затем, чтобы увидеть, как он в цветных гетрах примеряется клюшкой к мячику?

– А Брайс играет в гольф? – спрашивает Сьюз у Алисии.

– Понятия не имею, – пожимает та плечами. – Вряд ли. Хотя какой смысл спорить раньше времени, мы ведь еще не приехали.

Ее рассудительное замечание несколько охлаждает всеобщий пыл. Сидим молча, пока Люк не сворачивает на широкую дорогу, по обе стороны которой высятся особняки.

– Иглз-Лэндинг-Лейн, – объявляет он.

Мы ошеломленно глядим в окна. Я-то думала, Лас-Вегас застроен одними лишь казино и отелями, где живут все его обитатели. Однако, как выяснилось, здесь есть и жилые дома. Не просто дома – дворцы! Они стоят на огромных участках, отгородившись друг от друга высоченными витыми заборами, и словно кричат наперебой: «Эй, здесь поселился успешный делец!»

Подъезжаем к дому номер двести тридцать пять и потрясенно на него смотрим. Он самый большой: серый, с четырьмя башенками, точно замок сказочной принцессы. Вот-вот из верхнего окошка выглянет Рапунцель.

– Напомни, чем там занимается Кори? – спрашивает Люк.

– Научными разработками, – отвечаю я. – У него своя компания и куча всяких патентов. А еще полно недвижимости.

– Что за патенты?

– Понятия не имею! Для меня их названия – просто набор умных слов!

Я вновь беру телефон и зачитываю результаты поиска:

– Кори Эндрюс, почетный член Института электромеханики... Кори Эндрюс оставил пост председателя «Фейрлайт инноватикс»... Кори Эндрюс, основатель империи... О, постойте-ка, вот, из «Лас-Вегас герольд», пару лет назад: Кори Эндрюс отпраздновал свой пятидесятый день рождения в отеле «Мандарин ориентал» вместе с друзьями и партнерами. – Я испуганно поднимаю глаза. – Ему всего пятьдесят? Я думала, он папин ровесник!

– Черт! – Люк заглушает двигатель. – Мы что, не туда приехали? Это не тот Кори?

– Не знаю, – смущенно мямлю я. – Ведь это тот самый Кори Эндрюс, который рисует орла на своих картинах...

– Может, не только он так делает? – предполагает Сьюз.

Все задумываются.

– Ладно, есть только один способ узнать. – Люк вылезает из трейлера и что-то говорит в интерком. Через секунду возвращается, а ворота медленно ползут в сторону.

– Что ты им сказал? – нетерпеливо спрашивает Дженис.

– Они решили, что мы приехали на вечеринку, – отвечает Люк. – Я не стал их разубеждать.

Мы заезжаем внутрь, и мужчина в сером льняном костюме жестом велит нам припарковаться возле большого здания, похожего на самолетный ангар. Повсюду гигантские деревья и растения в горшках, вдалеке виднеется теннисный корт. Воздух звенит от джаза, льющегося из невидимых колонок. Вокруг полно автомобилей: сверкающих кабриолетов с именными номерными знаками. На одном написано «ДОЛЛАР 34», на другом – «КРИСТАЛЛ», а третий – так и вовсе лимузин, полностью раскрашенный под тигра.

– Тигромашина! – замерев от восторга, вопит Минни. – Мама, гляди, тигромашина!

Я стараюсь не хихикать.

– Да, очень красивая. – И поворачиваюсь к остальным. – Так, куда теперь? Вы же понимаете, что мы явились незваными?

– В жизни не видала такой роскоши, – распахнув глаза, бормочет Сьюз.

– Сьюз, ты живешь в шотландском замке, – напоминаю я.

– Да, но не в таком же, – отмахивается она. – Здесь как будто диснеевский дворец. Ой, гляди-ка, на крыше площадка для вертолета!

Мужчина в сером костюме подходит ближе, подозрительно оглядывая нашу компанию.

– Вы на вечеринку Пейтон? Назовите, пожалуйста, ваши имена.

Надо признать, не похожи мы на гостей, приехавших на вечеринку. У нас даже подарка нет для этого самого Пейтона, кем бы он там ни был.

– Нас нет в списке, – ровным голосом произносит Люк. – Однако нам надо встретиться с Кори Эндрюсом по одному очень важному делу.

– Вопрос жизни и смерти! – выпаливает мама.

– Мы приехали из Оксшотта, – вставляет Дженис. – Оксшотт – это в Англии.

– Мы ищем моего отца, – поясняю я.

– И моего мужа. – Сьюз делает шаг вперед. – Они пропали, а мистер Эндрюс может знать, что с ними произошло.

Мужчина в льняном костюме в полном замешательстве.

– Боюсь, мистер Эндрюс сейчас занят. Если вы изложите детали дела, я...

– Но мы должны срочно с ним увидеться! – в сердцах восклицает мама.

– Мы не отнимем много времени, – обещает Люк.

– Хочу кататься на тигромашине! – нетерпеливо кричит Минни.

– Мы не доставим никаких хлопот. Нам надо просто...

– Пожалуйста, передайте это мистеру Эндрюсу, – раздается вдруг вкрадчивый голос Алисии. Она выходит вперед и протягивает сверкающую визитку «Золотого покоя», на обратной стороне которой выведено несколько строк.

Мужчина молча читает их и мигом меняется в лице.

– Хорошо. Я сообщу мистеру Эндрюсу, что вы его ожидаете.

Он уходит, а Алисия скромно улыбается под нашими взглядами, отчего выглядит еще более самодовольной.

– Что ты написала? – резко спрашиваю я.

– Просто пару слов.

Мама с Дженис за моей спиной громко шепчутся: мол, имя Алисии Меррелл в Штатах сродни валюте; подумать только, с какими знаменитостями она может быть знакома, и надо же – совсем о них не сплетничает, такая милая скромная девочка...

Милая и скромная? Это они о Длинноногой Стерве?!

Хотя ладно. Плевать.

Вскоре возвращается наш приятель в сером костюме, чтобы проводить нас к дому.

Всех, кроме Люка – тот остается в трейлере поговорить с Гэри (разузнать все сплетни с делового ужина). У дома такая внушительная обитая деревом дверь, что кажется, будто перед нами вот-вот опустят разводной мост. Однако внутрь то ли дома, то ли замка, то ли особняка нас не пускают, а уводят в сторону, и какое-то время мы петляем в живом лабиринте, ничуть не уступающем Хэмптон-корту, пока наконец не оказываемся на большой лужайке, где установлен здоровенный батут и столы со сладостями, между которыми носятся пара миллиардов детишек. Поверх этого безобразия натянут баннер: «С днем рождения, крошка Пейтон!» Ах, вот, значит, что за Пейтон... Правда, найти в этой суматохе виновницу торжества не представляется возможным, потому что все девочки наряжены в роскошные платья принцесс. А вот Кори мы узнаем с первого взгляда – именно к нему направляется тип в сером костюме.

Он внушительно выглядит, этот Кори. Крепкий и загорелый, с густыми черными волосами, а брови будто выщипаны пинцетом. Он смотрится гораздо моложе папы. Рядом с ним женщина, должно быть, миссис Кори, и она вся такая из себя сверкающая. У нее блестящие светлые волосы, джинсы переливаются стразами, ремешки босоножек усыпаны фальшивыми бриллиантами, на руках – множество колец и браслетов, а прическу держит заколка, украшенная драгоценными камнями. В общем, на нее словно высыпали банку блесков. А еще у дамочки большая грудь, почти не прикрытая низким вырезом. Даже слишком низким – для детской-то вечеринки.

Кори направляется к нам, и мы молча переглядываемся, так и не решив, кто заговорит первым. Как всегда, дело в свои руки берет Алисия.

– Здравствуйте, мистер Эндрюс, – нараспев начинает она. – Я Алисия Меррелл.

– Миссис Меррелл. – Тот берет ее за руку. – Какая честь принимать вас в своем доме. Чем могу помочь?

Вблизи он не так уж молод – словно сделал не один десяток пластических операций. Я в замешательстве. Тот ли это Кори, который нам нужен? Только открываю рот, чтобы спросить, как рядом появляется миссис Кори. Если переодеть ее в обычное платье и стереть с лица блестящую пудру, она будет выглядеть лет этак на двадцать – двадцать пять. Наверное, так оно и есть.

– Милый, что-то случилось? – спрашивает она мужа.

– Сейчас узнаем. Познакомься, это Алисия Меррелл, владелица «Золотого покоя». Моя жена, Синди.

Синди выдыхает и во все глаза глядит на Алисию.

– Вы владелица «Золотого покоя»? Этого волшебного места? У меня есть все ваши диски, а моя подруга записалась к вам на мастер-класс... Что вас интересует?

– Мы ищем моего отца, – встречаю я. – Его зовут Грэхем Блумвуд, много лет назад вы с ним дружили. Если только... – Я смущенно замолкаю. – Если только нет другого Кори Эндрюса, который рисует картины и подписывает их фигуркой орла.

Синди хохочет.

– О нет, он такой один! Правда, милый?

– Здорово! – воодушевляюсь я. – Значит, это вы путешествовали с моим папой в семьдесят втором.

Кажется, зря я это сказала. Кори вроде бы и бровью не повел, но в его глазах на миг вспыхивает злость.

– В семьдесят втором? – Синди морщит лоб. – Кори тогда был слишком молод для путешествий. Сколько тебе было, милый?

– Боюсь, ничем не могу помочь, – сухо говорит Кори.

Он разворачивается, и я вижу у него за ушами крохотные шрамы. Господи боже, да он нарочно сделал операцию, чтобы выглядеть моложе. Потому и отрицает, что знаком с папой.

Слышится громкий плач: кто-то из детей упал, и Синди бросается ему на помощь. Кори тоже хочет уйти, но мама хватается его за руку.

– Мой муж пропал! Вся надежда лишь на вас!

– Уж простите, но вы наверняка тот самый Кори, – твердо говорю я. – Я в этом уверена. Мой отец был здесь? Вы о нем что-нибудь слышали?

– Разговор окончен.

– А может, вы общаетесь с Брентом или Реймондом? – не сдаюсь я. – Вы ведь в курсе, что Брент жил в трейлере? Мой папа сказал, что должен «что-то исправить». Вы не знаете, что именно?

– Прошу вас уйти! – резко говорит Кори. – Не мешайте праздновать день рождения моей дочери. Простите, ничем не могу вам помочь.

– Хотя бы скажите фамилию Реймонда, пожалуйста.

– Вы о Реймонде Эрле? – удивляется Синди, вновь присоединяясь к нам. – Других Реймондов среди приятелей Кори я не знаю.

Кори мертвенно бледнеет.

– Синди, не разговаривай с этими людьми, – цедит он сквозь зубы. – Они уже уходят. Ступай к детям.

– Синди, а где живет Реймонд? – торопливо спрашиваю я. – Разве не в Альбукерке? Или в Сан-Диего? Или все-таки переехал в Милуоки?

Я говорю наугад, надеясь спровоцировать ее на правильный ответ. Так и выходит.

– Нет-нет, по-моему, где-то под Тусоном. – Синди смотрит на мужа. – Он ведь немного чокнутый, правда, милый? Заделался отшельником... Прости, я случайно слышала тот ваш разговор...

Под взглядом Кори она смущенно затихает.

– Так вы с ним общаетесь!

Меня захлестывает разочарование. Только мы нащупали верный путь, как из-за этого типа с пластиковым лицом опять попадаем в тупик.

– Кори, что случилось в семьдесят втором? Зачем мой папа отправился в эту поездку? Что произошло?

– Прошу вас покинуть мой дом, – опять уходит от ответа Кори. – Иначе я позову охрану.

– Меня зовут Ребекка, – выпаливаю я. – Это вам что-то говорит?

– О! – восклицает Синди. – Совсем как твою старшенькую!

Кори странно, очень странно смотрит на меня. Все вокруг замолкают. Кажется, даже дыхание затаили. Его дочь тоже зовут Ребеккой. Что бы это значило?

Наконец он разворачивается на каблуках и уходит.

– Ну, рада была познакомиться, – бормочет Синди. – Возьмите малышке подарок для гостей, раз уже уходите.

– Что вы, мы не можем! – отнекиваюсь я. – Они ведь для ваших гостей!

– Ничего, мы приготовили лишние. Прошу, берите.

Синди спешит за Кори, неловко балансируя на каблуках. Я слышу, как она кричит ему в спину «Милый, что случилось?».

Из-за угла выходит мужчина в льняном костюме, его сопровождают двое парней менее формального вида. Они в джинсах, у них короткие стрижки и невыразительные лица, на которых так и написано: «Ничего личного, это всего лишь работа», даже если они избивают тебя до полусмерти.

Ну это так, в теории.

– Слушайте, давайте уже пойдем, – нервно предлагаю я.

– Угу. – Дженис сглатывает. – Серьезные ребята.

– Обычные бандиты! – негодуяще фыркает мама, и я в ужасе представляю, как она демонстрирует им пару приемов самообороны, которые изучила на женских курсах в Оксшотте.

– Мама, нам пора, – говорю прежде, чем эта идея придет ей в голову.

– Я тоже думаю, что нам надо идти, – соглашается Алисия. – Мы узнали все, что смогли.

– Спасибо! – кричу я парням с «ежиком». – Мы уже уходим! Классная у вас вечеринка! Только возьмем подарок для гостей.

Я веду Минни к столу, заставленному большими пакетами. Рядом опять появляется Синди с коктейлем в руке.

– Вы уж простите, мой муж – довольно замкнутый человек. Приходится то и дело напоминать ему: «Милый! Улыбнись!» – Она берет пакет с розовым бантом и заглядывает внутрь. – Ой, там кукла-балерина! Любишь балерин, детка?

Она вручает пакет Минни.

– Ура! Кукла! – радуется Минни и, покосившись на меня, выпаливает скороговоркой: – Спаси-ибо-за-подар-рок.

– Ты прелесть, – сияет Синди. – Какой милый акцент!

– Чудесный праздник, – вежливо говорю я.

– Мой муж – щедрый человек. Нам очень повезло. Но знаете, мы это ценим. Не воспринимаем как должное. Половина этих подарков, – она кивает на стол с пакетами, – предназначена детям из малообеспеченных семей.

– Ух ты, – хлопаю я глазами. – Здорово.

– Мне нравится делать подобные жесты. Я ведь родилась далеко не в такой роскоши. – Она размашисто обводит дворец рукой. – Нельзя забывать о тех, кому повезло меньше. Этому я хочу научить и Пейтон.

– Удачи вам.

Я начинаю ей восхищаться. Похоже, Синди умнее, чем кажется на первый взгляд.

– У Кори своя благотворительная организация. Он очень добрый, все время думает о других. – Взгляд у нее затуманивается. – Вы, наверное, и сами это поняли.

– Хм... ну да, конечно, – вдохновенно вру я. – Что ж, приятно было познакомиться.

– Мне тоже. Пока, тыковка! – Она треплет Минни за щеку. – Удачи вам.

– Простите, еще один вопрос, – небрежно добавляю я. – Просто интересно... Не знаете, почему Кори назвал старшую дочь Ребеккой?

– О, – разом смущается та, – понятия не имею. Он никогда не рассказывал. Я с ней даже не знакома. Грустная история.

– Простите.

Я обмозговываю ее слова.

– Кори о ней практически не говорит. Считает, что она приносит ему неудачу. Я пыталась как-то пригласить ее на День благодарения... – Синди разом грустнеет, потом вновь оживляется. – Ладно. Давайте я дам вам в дорогу немного закусок?

Пять

Подарок для гостей оказывается воистину роскошным.

Полчаса спустя мы останавливаемся возле другой закуской пообедать и решить, что делать дальше. Минни вываливает содержимое пакета на стол, и мы, разинув рот, смотрим на эту кучу. Кроме балерины там лежат часы от Донны Каран, толстовка «Версаче янг» и пара билетов в «Цирк дю Солей».

Больше всех ужасается Сьюз – она не признает подарки для гостей, считая эту традицию вульгарной (Сьюз ничего подобного не говорит, но так выразительно поджимает губы, что я понимаю, о чем она думает. На ее вечеринках гостям достается по воздушному шарiku и домашней ириске в пергаментной бумаге).

Затем Минни вытаскивает розовый клатч «Кейт Спейд», и мама с Дженис бросаются гуглить цены на жилье в Лас-Вегасе, чтобы прикинуть стоимость дворца Кори, а я тем временем тихонько прячу клатч. Приберегу пока, пусть Минни подрастет (а я тем временем, может, позаимствую его разок-другой).

– Откуда у него столько денег? – поражается Дженис. – Боже, этот дом стоит не меньше шестнадцати миллионов!

– Заработал на сделках с недвижимостью, – неуверенно отвечает мама.

– Нет, он начал с патентов, – припоминаю я. – Занимался научными разработками. Изобрел какую-то пружинную проволоку.

Я открываю третью страницу поисковика, где по ссылке в «Уолл-стрит журнал» есть фотография Кори. Там говорится, что проволока была первым его изобретением, которое до сих пор приносит немалый доход. Хотя как можно изобрести какую-то там проволоку? Он просто скрутил ее в спираль, и все...

– Вот, дочка, не зря я советовала тебе заниматься наукой. Дженис, только взгляни, здесь целых два бассейна!

– Это уже слишком, – неодобрительно качает та головой. – Хотя посмотри, какой вид из окон...

– Не понимаю, как ему удастся скрывать возраст, – удивляюсь я. Кори наверняка папин ровесник, но, сколько я ни ищу, никак не могу найти хоть что-то, опровергающее информацию о недавнем пятидесятилетнем юбилее. – Ведь в наши дни это невозможно. Все есть в Интернете.

– Наверное, он начал врать задолго до появления «Гугла», – веско замечает Дженис. – Как Марджери Уиллис, помнишь, Джейн? На каждый день рождения она убавляла себе год.

– Ах, Марджери! – негодуяще восклицает мама. – Тридцатипятилетие она отмечала раза два, если не три. Вот как надо делать, милая.

– Ага, – кивает Дженис. – Начинай прямо сейчас, Бекки. Запросто скинешь себе лет десять.

Это еще зачем? В моем возрасте о старости задумываться рано. И, если уж на то пошло, не лучше ли прибавлять себе года? Все вокруг будут восхищаться: «Вы так молодо выглядите для своих девяносто двух», а на самом деле вам всего семьдесят...

Люк внезапно подзывает меня к окну – и вид при этом у него очень странный.

– Да? – спрашиваю я, подходя ближе. – Что случилось?

Он молча сует мне в руки телефон.

– Слушай внимательно, Бекки, – безо всяких прелюдий говорит в ухо папа. – Я не понял, мама что, прилетела в Лос-Анджелес?

Это папин голос. Это папа! Он жив!.. Я не знаю, то ли упасть в обморок, то ли запищать от восторга.

– Папа! – выдыхаю я в трубку. – Господи, это ты?

К глазам подкатывают слезы. Надо же, как сильно, оказывается, я за него переживала.

– Я только что получил твое сообщение, правда, мало что понял. И, как уже сказал Люку, хочу, чтобы она вернулась домой. Пусть летит в Англию.

Он что, шутит? Он хоть представляет, через что мы прошли?

– Но она уже здесь! И Дженис тоже! Папа, мы так за тебя волнуемся! – Слова сыплются сами собой. – И о Тарки волнуемся, и о...

– У нас все хорошо, – раздраженно говорит папа. – Передай маме, хватит разводить панику. Через пару дней мы вернемся.

– Но где вы? И зачем уехали?

– Неважно, – коротко отвечает он. – Надо уладить одно дело с друзьями. Мы быстро. Позаботься пока о маме, пусть не скучает.

– Мы ведь едем за вами!

– Я же сказал, не надо! – Похоже, папа сердится всерьез. – Что за глупости! У человека что, не может быть личной жизни? Обязательно надо шпионить?

– Ты даже маме ничего не сказал! Взял и уехал...

– Я оставил записку, – повторяет он. – Вы знали, что ничего страшного не случилось.

– Папа, ты должен с ней поговорить. Я дам ей трубку...

– Нет! – рявкает он. – Бекки, я сейчас очень занят, мне надо сосредоточиться. Некогда выслушивать мамины истерики, это растянется на целый час.

– Вот только не надо... – Я замолкаю. Не хочется признавать, но он прав. Если мама возьмет трубку, то будет отчитывать его, пока не сядет батарейка.

– Отвези маму в Лос-Анджелес. Сходите в спа-салон, развейтесь...

– Что значит развейтесь? – Теперь сержусь уже я. – Ты нам ничего не рассказываешь, а Тарки в это время промывают мозги... Как он там хоть?

Папа негромко смеется.

– Никто не промывает ему мозги. Брайс – очень приятный молодой человек. Не знаю, что мы без него делали бы. Он хорошо знает эти места. И Таркина взял под крылышко. Они болтают дни и ночи напролет.

«Под крылышко»? «Болтают дни и ночи напролет»? Что-то не нравится мне, как это звучит...

– Слушай, а Таркин далеко?

– Он здесь. Хочешь с ним поговорить?

Что? Я недоверчиво гляжу на телефон. На линии слышатся какие-то помехи, и вдруг в трубке звучит знакомый голос:

– Хм-м... Привет. Бекки, это ты?

– Тарки! – Я чуть не падаю от облегчения. – Привет! Я сейчас позову Сьюз...

– Ээ... не надо. Просто скажи ей, что я жив-здоров.

– Она же беспокоится! Мы все за тебя переживаем. Ты знаешь, что Брайс хочет запудрить тебе мозги? Он очень опасный тип, Тарки! Ему нужны твои деньги. Не вздумай ничего подписывать, понял?!

– Ну конечно, ему нужны мои деньги. – Тарки говорит так непринужденно, что весь мой запал гаснет. – Просит каждые пять минут. Уже даже не намеками, а прямо. Но я ничего ему не даю.

– Слава богу, – выдыхаю я. – Будь стойким.

– Я не совсем идиот, Бекки, ты ведь знаешь.

Я смущенно что-то мямлю в ответ.

– С парнями вроде него надо держать ухо востро.

– Точно!

Странно даже, Тарки кажется очень собранным и уверенным в себе. Я-то думала, у него нервный срыв...

Тогда почему он странно вел себя в Лос-Анджелесе? Так и вижу, как он сидит за столом, обводит всех суровым взглядом и говорит Сьюз, что она вредительница.

– Бекки, мне пора. Передаю трубку твоему отцу.

– Нет, постой! – кричу я, но уже поздно.

– Бекки?

На линии снова папа. Я набираю полную грудь воздуха.

– Папа, слушай. Не знаю, чем вы занимаетесь, не хотите говорить – и ладно. Но ты не можешь оставить все как есть. Вы далеко от Лас-Вегаса? Потому что если ты нас любишь и если у тебя есть хоть пять минут, ты должен с нами встретиться. Просто показать, что ты живой и здоровый. А потом займешься

своими делами. Папа, пожалуйста. Прошу!

Долгая пауза.

– Вообще-то мы не в Лас-Вегасе, – говорит он в конце концов.

– Тогда скажи где, и мы приедем!

– Нет. Не надо.

Новая пауза. Я задерживаю дыхание.

Папа, между прочим, – человек очень разумный, не зря ведь работал в сфере страхования.

– Ладно, – соглашается он в итоге. – Встретимся завтра утром в Лас-Вегасе. А затем вы успокоитесь и уедете в Лос-Анджелес. И никаких вопросов!

– Конечно! – торопливо соглашаюсь я. – Никаких вопросов!

Еще чего – расскажет все как миленький. Надо будет заранее составить список, чтобы ничего не забыть.

– Где встретимся?

– Ээ...

В Лас-Вегасе я ничего не знаю. Только то, что показывали в «Одиннадцати друзьях Оушена», которых я посмотрела раз сто.

– Давай в «Белладжио». В девять.

– Хорошо. До встречи.

Зря, наверное, я спрашиваю, однако сдержаться все равно не могу.

– Папа, а почему ты так не хотел называть меня Ребеккой?

Очередная невыносимо долгая пауза. Я знаю, что папа на линии – но он молчит...

А потом в трубке раздаются гудки.

Я тут же перезваниваю – и попадаю на голосовую почту. Набираю номер Таркина, однако и он не отвечает. Должно быть, оба отключили телефоны.

– Молодец! – восхищается Люк, когда я поднимаю голову. – Тебе надо вести переговоры по освобождению заложников. Я правильно понял: завтра у нас встреча с беглецами?

– Вроде бы да...

Я хлопаю глазами, до сих пор не веря случившемуся. Столько волнений – и тут выясняется, что папа с Тарки целы и невредимы, а вовсе не валяются где-нибудь на обочине.

– Расслабься, Бекки. – Люк обнимает меня за плечи. – Это ведь отличные новости! Мы их нашли!

– Да! – На лице сама собой расплывается улыбка. – Нашли! Пойдем скажем маме и Сьюз!

Если честно, не думала я, что меня ждет участь гонца, приносящего дурные вести. Мама и Сьюз должны были радоваться и всячески меня хвалить. Как же я заблуждалась!

После мимолетной вспышки радости, когда Сьюз выдохнула «слава Богу», они обе вновь надуваются и вспоминают свои обиды.

Мама только и твердит, что ее собственный муж ей не доверяет, что иметь секреты от своих родных – очень неуважительно, что он взрослый человек, и кем он вообще себя вообразил, Коджаком?! (Уж не знаю, при чем здесь Коджак. И кто это вообще такой? Наверное, какой-нибудь тип из телешоу.)

Дженис поддакивает: «знаю, Джейн», «ты права, Джейн», «конечно, Джейн»...

Сьюз все время ноет: «Почему Тарки не хочет со мной говорить?» Она постоянно набирает его номер, слушает короткие гудки и обиженно глядит на меня, точно это я виновата. Чем ближе мы к Лас-Вегасу, тем отчаяннее она грызет ногти, глядя в окно.

– Сьюз... – неловко говорю я.

– Что? – дергает она плечом, словно я отвлекаю ее от чего-то важного.

– Разве не здорово? У Тарки все хорошо!

Сьюз смотрит на меня пустым взглядом.

– Значит, и переживать не о чем, – поясняю я. – Ты можешь успокоиться.

Сьюз страдальчески морщится – будто я такая глупая, что не замечаю очевидного.

– Сперва я должна его увидеть. Должна убедиться, что Брайс не запудрил ему мозги.

– Голос у него нормальный, – ободряю я. – Если что, он отказался бы от встречи.

– Бекс, просто ты не понимаешь, – огрызается Сьюз, и Алисия сразу же кладет руку ей на плечо, как давняя верная подруга.

Сердце у меня падает, и я, чтобы успокоиться, сажаю Минни себе на колени.

– «Хватит нервничать»? – шипит мама на Дженис. – Это Грэхем пусть нервничает. Разве у меня были от него секреты?

– Когда мы устроили солярий в нашем гараже, – напоминает та.

– Это другое, – рявкает мама. – А Грэхем сейчас поступает подло!

– Да, непохоже на него, – покорно соглашается Дженис.

Она права. У моих родителей, конечно, случались ссоры, в их жизни бывали разные драматические моменты. Однако я не помню, чтобы папа нам когда-нибудь врал.

– Где остановимся в Лас-Вегасе? – торопливо спрашиваю я, чтобы сменить тему. – Только не в трейлерном парке.

– Нет-нет, – с водительского кресла говорит Люк. – Припаркуем трейлер и найдем отель.

Несмотря ни на что, я едва ли не ерзаю в предвкушении. Я ведь еще не бывала в Лас-Вегасе. И теперь, когда мы знаем, что с папой и Тарки ничего страшного не случилось, можно немного расслабиться, правда?

– Надо успокоиться, Джейн, – говорит Дженис, будто читая мои мысли. – Давай закажем спа-процедуры.

– У них есть отель с цирком? – Мама вроде бы берет себя в руки. – Я не прочь посмотреть представление.

– А может, лучше венецианский? – предлагаю я. – Вот бы прокатиться на гондоле...

– А есть еще египетский... – Дженис смотрит на телефоне сайт Вегаса. – И «Эм-Джи-Эм Гранд»... Кстати, надо обязательно заглянуть в «Сизарс-палас», там шикарные магазины, Бекки.

– Вроде Элтон Джон сейчас дает здесь концерты? – вспоминает вдруг мама.

– Элтон Джон?! – взвизгивает Сьюз, и мы все подпрыгиваем. – Гондолы?! Как вы можете говорить об отелях и магазинах? Мы не развлекаться приехали! У нас не отпуск!

Она обводит всех осуждающим взглядом, а мы хлопаем в ответ глазами.

– Ладно, – осторожно начинаю я. – Давайте просто выберем отель.

– Только не какую-нибудь ужасную тематическую ночлежку, – брезгливо фыркает Алисия. – Лучше найти классический, более деловой вариант.

Я в изумлении гляжу на нее. Классический? Деловой? В Лас-Вегасе? Ну, начнем с того, что маме надо расслабиться и снять стресс, а не сидеть уныло в четырех стенах, пялясь на экран для презентаций. А еще я хочу, чтобы Минни тоже развлеклась. Она заслужила.

– Давайте остановимся там, где будут свободные номера, – дипломатично предлагаю я. – Диктуйте телефон, я позвоню, узнаю.

* * *

– Прости, – в который раз говорю я Сьюз. – Знаю, ты предпочла бы что-нибудь более строгое.

Она подозрительно смотрит на меня, и я тут же принимаю невинный вид, хотя про себя ликую.

Мы стоим в вестибюле венецианского отеля, и это самое сумасшедшее место, что я только видела. Над головами висит огромный разукрашенный купол, точь-в-точь как на картинах венецианских художников. А еще здесь фонтан с потрясающей золотой скульптурой. И мужчина в красном шарфе играет на гармонике. Я уже чувствую, что это идеальное место для туристов, – а мы ведь только-только вошли в фойе!

Люк возвращается от стойки регистрации.

– Вот, – говорит он, помахивая связкой ключей. – Не все номера рядом, но, по крайней мере, спокойно поселили. А еще у них сегодня акция – нам дали бесплатные фишки в казино.

Фишки завернуты в бумажные фантики, совсем как леденцы, и выглядят так мило! Наверняка внутри какой-нибудь девиз, что-то вроде «Испытай фортуну». Будь я владелицей казино, на всех моих фишках было бы написано: «Удачи» и

«Попробуйте еще раз».

– Бесплатные фишки? До чего банально, – кривится Алисия. – Что ж, мои можете забирать.

Вот честно: мы ведь в Лас-Вегасе! А в Лас-Вегасе надо играть. Хотя я никогда не пробовала, наверняка у меня все получится!

– Ладно, давайте подумаем, чем сегодня заняться, – говорит Люк, когда мы подходим к маме и Дженис, вместе с Минни сидящим на чемоданах.

– Мо-о-ожно? – Минни тянет пухлые ручки к фишкам. – Дай тарелку!

Она решила, это кукольные тарелки. Какая прелесть!

– Вот, милая. – Я отдаю фишку Минни. – Держи тарелочку, только в рот не бери.

Сьюз в ужасе округляет глаза.

– Ты даешь Минни игорные фишки?!

– Ээ... Минни ведь не знает, что это такое, – настороженно отвечаю я. – Она считает, это кукольные тарелки.

– И все же так нельзя.

Сьюз неодобрительно качает головой, словно я нарушаю фундаментальное правило воспитания детей. Она переглядывается с Алисией, которая также не одобряет моих действий.

– Это всего лишь кусок пластмассы, – пытаюсь я объяснить. – В казино – да, это игорная фишка. А сейчас, в руках Минни, это всего лишь игрушка! Вы что, думаете, я поведу ее в казино?

Я больше не понимаю Сьюз. На глаза невольно накатывают слезы, и я отворачиваюсь. Почему она так себя ведет? Она же почти меня не замечает.

Это все Алисия виновата. Длинноногая Стерва испортила мою Сьюзи. Мы ведь знали, какая она, и терпеть ее не могли. А теперь она прикидывается добренькой, и Сьюз попалась на удочку. А в душе она все та же стерва. Холодная. Равнодушная. Предвзятая. И портит мою лучшую подругу!

Я так погружаюсь в невеселые мысли, что не сразу слышу писк телефона. Пришло сообщение:

«Уже в пути!!! Вечером буду в Лас-Вегасе!!! Чмоки. Дэнни».

Дэнни! Слава богу! Дэнни снова научит меня улыбаться. Он все исправит!

Дэнни Ковитц – мой хороший друг, известный модельер и практически звезда. Как только он узнал, что Сьюз в беде, сразу обещал вылететь, причем вместе со всеми подручными. Он ведь и Тарки очень любит (даже запал на него немного, но Сьюз, конечно, лучше ничего не знать).

– Скоро приедет Дэнни, – говорю я Сьюз. – Мы могли бы поужинать с ним, слегка расслабиться...

Я пытаюсь развеселить ее, но это все равно что стучаться о бетонную стену.

– Я не могу расслабиться, Бекс! – едва ли не брызжет она слюной. – Мне надо увидеть Таркина, живого и здорового. Убедиться, что он держится подальше от этого... типа.

– Сьюз, послушай, – мирно говорю я. – Знаю, ты волнуешься, но нельзя все время думать о плохом. Я хотела отвести Минни в аквариум с акулами. Пойдешь с нами?

– Нет уж, спасибо.

Она презрительно качает головой.

– Тебе надо чем-то себя занять...

– Мы с Алисией сходим на йогу. А потом проверю почту и пораньше лягу спать.

Я гляжу на нее, не веря собственным ушам. «Проверю почту»? «Пораньше лягу спать»?

– Мы же в Лас-Вегасе! Я думала, мы прогуляемся, посмотрим на фонтаны «Белладжио», потом немного выпьем...

Я стихаю под осуждающим взглядом Сьюз.

– Терпеть не могу все эти развлечения для туристов, – надменно заявляет она, и Алисия одобрительно кивает.

Сердце у меня сжимается от боли. Это с каких пор она не любит? Когда мы с ней были в Севилье, Сьюз развлекалась на полную катушку: купили платья для фламенко, надели их к ужину и все время говорили друг другу «Олле!». И смеялись весь вечер. Это был один из лучших дней в моей жизни. Собственно, именно Сьюз решила купить те платья. А еще – гитару с ленточками. Что, туристы так не делают?

– Давай хотя бы на фонтаны посмотрим! – умоляю я. – Это не развлечение, это культовая достопримечательность. Разве не помнишь, как мы впервые посмотрели «Одиннадцать друзей Оушена» и договорились когда-нибудь обязательно съездить в Лас-Вегас?

Сьюз равнодушно пожимает плечами и достает телефон, будто утратив всякий интерес к моим словам. Глаза снова щиплет от слез.

– Ладно. Как хочешь. Желаю приятно провести время.

– Надеюсь, ты помнишь, что завтра в девять мы встречаемся с Тарки и твоим отцом? – пристально глядит на меня Сьюз.

– Конечно!

– То есть ты не собираешься пить бесплатные коктейли и до упаду играть в рулетку?

– Нет! – с вызовом отвечаю я. – Не собираюсь. Я буду свеженькая, как огурчик, ждать вас здесь в восемь тридцать.

– Что ж, тогда спокойной ночи...

Сьюз с Алисией уходят по коридору, разукрашенному точь-в-точь как Сикстинская капелла, я беспомощно гляжу им вслед, а потом поворачиваюсь к остальным.

– Пойдешь со мной к фонтанам? – спрашиваю я у Люка. – А ты, мама? Дженис?

– Ну конечно, милая! – восклицает мама. Она уже раздобыла где-то коктейль и теперь потягивает его через длинную соломинку. – Развлекаться – так на полную катушку. Мой час пробил, дорогая. Мой час пробил!

– Ты это о чем? – удивленно переспрашиваю я.

– Раз твой отец вытворяет невесть что, то и я не буду сидеть на месте. Если ему можно проматывать семейное состояние, то и мне тоже.

С тех пор как мы получили известие от папы, мама слегка обезумела. А сейчас, под влиянием алкоголя, она и вовсе словно взбесилась.

– Вряд ли он проматывает семейное состояние, – с опаской говорю я.

– Откуда нам знать? – гневно парирует мама. – Все эти годы я была добропорядочной женой. Готовила ужин, застилала постель, внимала каждому слову...

Что за глупости? Мама никогда не слушала, что говорит папа, и кормила его магазинными полуфабрикатами.

– А он, оказывается, хранил от меня тайны! – продолжает мама. – Врал и плел интриги!

– Мама, он всего лишь уехал с друзьями, это еще не конец света...

– Врал и плел интриги! – повторяет та, пропуская мои слова мимо ушей. – Дженис, ты не видела, где тут игорные автоматы? Я хочу попробовать!

– Мы сейчас вернемся, – выпаливает Дженис, несясь за мамой по коридору.

Та-а-ак... Надеюсь, она за ней присмотрит.

– Минни, пойдем полюбуемся большими рыбками?

Я обнимаю дочку. Она такая лапочка, весь день смирно сидела в трейлере и никому не мешала. Минни имеет право немного повеселиться.

– Рыбки!

Малышка несколько раз беззвучно разевает рот, точно маленькая гуппи.

Среди рекламных буклетов, которые дали Люку, есть путеводитель. Я нахожу раздел «Десять лучших достопримечательностей для детей» – и глаза у меня лезут на лоб. Здесь есть все: и Эйфелева башня, и нью-йоркские небоскребы, и египетские пирамиды, и дельфины, и цирк... Словно весь мир собрали на одной улице.

– Пойдем, милая.

Я беру дочь за руку. Мы с Минни идем развлекаться.

Шесть

Два часа спустя голова идет кругом от музыки и сверкания неона. А еще писка. Лас-Вегас – самый пискливый город на свете. Куда бы вы ни пошли, повсюду словно сидят музыканты и оглушающе играют на своих инструментах, в роли которых – игровые автоматы, издающие один лишь звук: пи-и-и, пи-и-и, пиии-пиии! Они не замолкают ни на секунду – если только изредка выдать выигрыш, и тогда монеты сыплются в лоток с грохотом барабанной установки.

У меня даже мигрень началась, но мне плевать, потому что мы прекрасно провели время. Катались взад-вперед на лимузине, выходили то у одного отеля, то у другого – и чувствовали себя так, будто объездили целый мир. Я даже накормила Минни «парижским пулем» на ужин (на самом деле обычным куриным филе).

Потом мы вернулись в наш венецианский отель, который на фоне всего остального выглядит на удивление нормальным и тихим местом (ну, «нормальным», если не замечать каналы и площадь Святого Марка). Люк ушел в бизнес-зал поработать с письмами, мама и Дженис забрали Минни кататься на гондоле, а я отправилась бродить по магазинам в «Шоппес» (странно, с чего бы такое название? Разве это не английское слово? Мы ведь вроде как должны быть в «Италии»?).

Магазины тянутся бесконечными рядами, здесь есть все от дорогих бутиков до сувенирных лавок. Выглядит ну очень впечатляюще. Воздух идеальной температуры, над головой – фальшивое синее небо с облаками. Неподалеку оперная певица в бархатном платье выводит любовную арию. Я только что побывала в «Армани», нашла серый кашемировый пиджак, который будет обалденно смотреться на Люке (правда, стоит он восемьсот долларов, так что я не решаюсь сразу его купить. Надо хотя бы примерить). В общем, удивительное место, и я должна быть здесь счастлива.

Вот только, увы, это не так.

Перед глазами стоит лицо Сюз. Она ведет себя очень странно, будто не желает больше меня знать. Но ведь она сама позвала нас в поездку! Это она стояла, ломая руки, и плакала: «Ты мне нужна». Не понимаю ее...

Я уже теряла Сюз – во время медового месяца. Однако тогда все было иначе. Мы просто отдалились друг от друга. Теперь же она намеренно меня отталкивает.

Погруженная в невеселые мысли, я забредаю в лавку сувениров и принимаюсь складывать в корзинку товар. Хватит, Бекки, говорю я себе, лучше думай о покупках. Беру снежный шар с пейзажем Лас-Вегаса, пару магнитов на холодильник в виде доллара, стопку футболок с надписью «Однажды в Вегасе». Тянусь за пепельницей в форме туфельки, вспоминая, кто из моих знакомых

курит...

А в голове крутится одна мысль. Неужели нашей дружбе конец? После стольких лет, после всего, что мы пережили вместе... мы зашли в тупик? Но где мы свернули не туда? Да, в Лос-Анджелесе я вела себя не лучшим образом. Но неужели это я все разрушила?

Стоя возле витрины с бижутерией, я тоскливо перекладываю в корзинку бусы из игральные кости. Может, маме или Дженис понравятся... Прежде я купила бы и нам со Сьюз парочку – забавные ведь штучки, – однако теперь я в этом не уверена.

Что делать?

Ноги сами несут меня по магазину, и я снова и снова беру одни и те же вещи. Так, Бекки, хватит. Одумайся. Нельзя просто шлаться кругами и жалеть себя. Надо расплатиться и идти к маме, узнать, понравились ли им гондолы.

В магазине довольнолюдно, к кассе выстроились целых три очереди. Когда я наконец продвигаюсь вперед, кассир в блестящем жакете мне улыбается.

– Здравствуйте! Надеюсь, вам у нас понравилось?

– О, – говорю я. – Ну... да. Здесь здорово, спасибо.

– Мы были бы весьма признательны, если бы вы выставили нам оценку.

Пробивая покупки, кассир протягивает мне карточку, на которой написано:

Оцените свой сегодняшний шопинг:

* Замечательно (Мы очень рады!)

* Неплохо (Ой-ой, в чем же дело?)

* Ужасно (Неужели все настолько плохо? Расскажите, что не так?)

Я беру ручку и гляжу на карточку. Надо, конечно же, отметить «замечательно». Магазин прекрасный, я нашла все, что искала. У меня нет никаких нареканий. В общем, великолепно, и точка.

Вот только... рука не поднимается. Я не чувствую себя на «замечательно».

– Шестьдесят два доллара девяносто два цента, – говорит девушка и внимательно вглядывается в меня, когда я протягиваю деньги. – Все хорошо?

– Я... я не знаю. – К моему ужасу, глаза намокают от слез. – Я не знаю, что поставить. Надо выбрать «замечательно», но я не могу. Просто не могу, и все. Я поссорилась с моей лучшей подругой и думаю только об этом. Так что ничего «замечательного» в моей жизни сейчас нет. – Я уныло хлюпаю носом. – Простите. Не буду больше отнимать у вас время.

Я протягиваю руку за чеком. Однако девушка мне его не отдает. Она с тревогой смотрит на меня. Ее зовут Симона – так написано на бейджике.

– Скажите, вы рады своим покупкам?

Она раскрывает пакет, демонстрируя содержимое, и я ошеломленно заглядываю внутрь.

– Не знаю. Я даже не знаю, зачем все это купила. Вроде как в подарки. Ну, понимаете, сувениры.

– Да...

– Но я не представляю, кому все это подарю. А я ведь должна делать покупки осознанно. Я недавно прошла курс в «Золотом покое».

– В «Золотом покое»?! – Глаза у нее вспыхивают. – Я тоже!

– Неужели? – удивляюсь я.

– Ну, онлайн. – Она чуть смущается. – В сам центр я не смогла бы поехать. Но, знаете, у них есть специальное приложение, так что... У меня были большие проблемы с тратами. Работать в таком месте... – Она обводит рукой магазин. – Но я себя преодолела.

– Ух ты, – моргаю я. – Тогда вы понимаете, о чем я.

– «Нужно делать покупки спокойно и вдумчиво», – цитирует она.

– Точно! Я всегда себе это повторяю.

– Когда ходите в магазин?

– Да!

– И вам все это нужно?

– Да-да! У нас целое занятие было посвящено...

– Нет. – Симона заглядывает мне в глаза. – Я спрашиваю: вам все это нужно? Или вы купили эти вещи лишь затем, чтобы успокоиться?

Она достает из пакета снежный шар.

– Вот он вам нужен?

– Ой. – Я смущаюсь. – Не знаю... Лично мне – нет, наверное. Кому нужен снежный шар? Я думала подарить его... даже не знаю кому... Мужу, например.

– Отлично! Это доставит ему радость?

Я представляю, как Люк трясет шарик и наблюдает за хлопьями снега. Ну, разок он, может, так и сделает...

– Понятия не имею, – признаюсь после паузы. – Возможно.

– «Возможно»? – Симона качает головой. – Всего лишь «возможно»? О чем же вы думали, когда клали его в корзину?

Я недоуменно гляжу на нее. Ни о чем я не думала. Просто положила и все.

– Вряд ли он мне нужен. – Я закусываю губу. – Точнее, он не нужен совсем.

– Тогда не покупайте! Хотите оформить возврат?

– Да, пожалуйста, – шепчу с облегчением.

– Теперь футболки. – Симона встряхивает их из пакета. – Кому они предназначены, и правда ли они нужны этим людям?

Я пялюсь на футболки. Я их купила, потому что зашла в сувенирный магазин, а это – сувениры.

Симона понимающе кивает.

– Возврат? – коротко спрашивает она.

– Да, пожалуйста. И это тоже. – Я вытаскиваю бусы из игральных костей. – Не представляю даже, зачем я их взяла. Я подарю их маме и ее подруге, они наденут разок и тут же снимут, закинут куда-нибудь подальше, а года через три отдадут в благотворительный магазин, где эти штуки так и будут висеть на дальней стойке до окончания времен.

– Господи, а вы ведь правы! – раздается позади хриплый голос. Обернувшись, я вижу женщину средних лет. Она перебирает штук шесть таких же бус. – Я купила их подругам. А они не станут их носить, да?

– Не станут, – качаю я головой.

Женщина в джинсах, уже покинувшая соседнюю очередь, прислушивается к нашему разговору и вдруг снова подходит к своему кассиру, рыжеволосой девушке.

– Сделайте возврат. Ума не приложу, зачем я накупила столько хлама? – Она вытаскивает из пакета бейсболку со сверкающей надписью «Лас-Вегас», выложенную стразами. – Моя падчерица в жизни этого не наденет.

– Простите, вы хотите оформить возврат? – Кассир выглядит донельзя оскорбленной. – Так сразу?

– Ей же оформляют. – Женщина тыкает в меня пальцем. – Она все возвращает.

– Не все, – отвечаю торопливо. – Я просто пытаюсь делать покупки спокойно и вдумчиво.

Рыжая кассирша одаряет меня испепеляющим взглядом.

– Прошу вас, замолчите.

– «Спокойно и вдумчиво», – восклицает дамочка в джинсах. – Отличная идея! Так, что еще из этого мне не нужно? – Она роется в сумке и вытаскивает флягу с гравировкой «Лас-Вегас». – Вот это заберите. И это.

Рядом ложится полотенце с принтом в виде долларовой купюры.

Краем глаза я вижу, как замирает третья женщина.

– Постойте-ка, – говорит она кассиру. – Наверное, я обойдусь без неоновой гирлянды. Пожалуйста, оформите возврат.

– Так, все, хватит! – объявляет рыжая кассирша, свирепеющая с каждым словом. – Больше никаких возвратов!

– Вы не имеете права нам отказать! – возмущается женщина в джинсах. – И это я тоже сдаю. – Она плюхает на прилавок розовый фотоальбом. – Кого я хочу обмануть? Я же никогда не буду собирать фотографии.

– Мне тоже все это не нужно! – Женщина в третьей очереди бросает возле кассы большущий пакет, полный товара. – Я и зашла-то сюда от скуки.

Прочие покупательницы начинают вынимать сувениры из корзинок. В магазине словно разгорается эпидемия скряжничества.

– Что происходит? – К линии касс приближается женщина в брючном костюме. – Почему наши клиенты не желают приобретать товар?

– Они все хотят сделать возврат! – поясняет рыжая. – Словно с ума посходили. А начала это вон та девушка!

Она указывает на меня.

– Ничего я не начала! Я просто решила... ну, знаете, задуматься о своих тратах. И купить лишь то, что мне действительно нужно.

– Лишь то, что вам действительно нужно? – У женщины в брючном костюме такой вид, будто я сказала жуткую непристойность. – Мэм, не могли бы вы поскорее совершить свои покупки и покинуть наш магазин?

Нет, я что, пытаюсь свергнуть капитализм?.. Менеджер готова взять меня за шкирку и собственноручно выставить вон.

– Вы помните, что было в Японии? Хотите, чтобы и здесь началось то же самое? Да?!

Мне становится не по себе, потому что ситуация и впрямь несколько выходит из-под контроля. Все выгребают товар из корзинок и сваливают его обратно на полки, удивленно вопрошая друг друга: «Вам что, правда это нужно?» и «Зачем мне эта штука?», а персонал мечется между витринами с воплями: «Памятные подарки для близких!», «Магниты за полцены! Возьмите три штуки!»

Но я же ни в чем не виновата, да? Я всего лишь сказала, что никто не будет носить бусы из игральные костей.

В конце концов я покупаю маленький пазл для Минни. Обычной эйфории при этом не чувствую, но, подписывая чек (на семь долларов тридцать два цента), испытываю странное спокойствие и умиротворение.

Это здорово воодушевляет. Я даже беру анкету и ставлю галочку в окошке «замечательно».

Однако на выходе из магазина настроение вновь портится. Я достаю телефон и пишу сообщение Люку:

«Где ты?»

Он почти сразу же отвечает:

«В бизнес-зале. Осталась еще чуть-чуть. А ты где?»

Мне становится легче – хоть кому-то я нужна.

«В «Шоппес». Люк, как думаешь, Сьюз когда-нибудь будет снова моей подругой? Знаю, я много чего натворила в Л-А, но теперь я очень стараюсь, а она меня совсем не замечает, общается с одной Алисией и»

Ой. Лимит знаков закончился. Ладно, Люк и так поймет.

Только нажав «отправить», я понимаю: зря я это сделала. Люк терпеть не может подобные исповеди. Собственно, я даже порой подозреваю, что мои длинные эсэмэски он совсем не читает.

И в самом деле, ответ приходит уже через пару секунд.

«Тебе просто надо развеяться. Подожди, закончу с делами, сходим в казино. Минни будет с твоей мамой, я договорился. Целую».

Ух ты! Казино! Я испытываю волнение вперемешку с трепетом. На деньги я еще никогда не играла, если не считать лотереи. Мы частенько покупали билетик лото, но номера вычеркивал обычно папа. А сама я никогда не делала ставки на тотализаторе и не играла в покер.

С другой стороны, я сотню раз видела фильмы про Джеймса Бонда – и уж поверьте, в них есть чему поучиться. Например, хранить невозмутимость в любой ситуации. Приподнимать бровь, когда пьешь коктейль. Уверена, я справлюсь, надо лишь правила игры уточнить.

Я решаю пока выпить кофе, заказываю латте и замечаю неподалеку женщину, сидящую на барном стуле. Ей лет пятьдесят, у нее обесцвеченные волосы, завязанные в хвост; она играет на телефоне в какую-то карточную игру. На столе перед ней большая миска, полная мелочи из автоматов, а на футболке под джинсовой курткой, расшитой крупными стразами, надпись: «Роквелл: чемпионат по покеру 2008».

Уж она-то должна разбираться в азартных играх. И ей, конечно, захочется помочь новичку, правда? Я дожидаюсь, когда она закончит очередную партию, и подхожу к ее столику.

– Простите, – вежливо говорю я, – вы не могли бы дать мне совет, если вас не затруднит?

– А? – Она поднимает глаза от телефона. Боже, у нее на веках нарисованы значки долларов! Как???

– М-м-м... – Я стараюсь не пялиться на ее глаза. – Я только что приехала, никогда прежде не играла на деньги и не знаю, как это делается...

Она с подозрением глядит на меня, словно ожидая подвоха.

– Вы в Лас-Вегасе – и никогда не играли?

– Я здесь первый день. Вечером иду в казино, но понятия не имею, какие игры лучше выбрать, с чего начать. Вот и спрашиваю: может, вы что-то посоветуете?

– Совета хотите, значит?

Она не моргая глядит на меня. Глаза у нее, оказывается, красные от полопавшихся сосудов. И вообще под всеми этими фальшивыми бриллиантами и слоем косметики выглядит она так себе.

– Или, может, подскажите какой-нибудь учебник? – приходит мне в голову удачная мысль.

Дама пропускает мои слова мимо ушей и вновь утыкается в телефон. Уж не знаю, что там, но вид у нее становится довольно угрюмый.

– Знаете что? – говорит вдруг она. – Вот вам совет – не делайте этого. Бегите. Спасайтесь.

– О. – Я в замешательстве. – Ну, я всего лишь думала сыграть разок-другой в рулетку или типа того.

– Все так говорят. Вы человек азартный?

– Хммм...

Я задумываюсь. Азартный ли я человек? Ну... может быть, самую малость.

– Я люблю распродажи, – признаюсь. – И раньше слишком часто ходила по магазинам. Завела уйму кредиток, наделала долгов. Но сейчас я исправилась.

Женщина невесело фыркает.

– Думаете, распродажи – это зло? Подождите, милочка, вот начнете играть – тогда все поймете. Почувствуете, как лежит в руке фишка. Азарт. Кайф. Это как метамфетамин. Вам надо еще и еще. Голову сносит. Жизнь катится под откос. А потом вас вяжут копы.

Я испуганно гляжу на нее. А ведь вблизи она довольно отталкивающая. Мышцы на лице словно застыли и не движутся. В волосах темнеют отросшие корни. Она тычет пальцами в телефон, и на экране появляется новая игра.

– Ясно! – бодро говорю, а сама тихонько пячусь. – Спасибо за помощь...

– Метамфетамин! – зловеще повторяет женщина, уставившись на меня налитыми кровью глазами. – Помните! Это – метамфетамин!

– Метамфетамин, – киваю я. – Точно. До свидания!

То есть азартные игры – это как наркотики?

Господи! А может, мне не стоит идти в казино?

Я не успокаиваюсь даже час спустя, покатавшись на гондоле с мамой, Дженис и Минни. Потом мама с Дженис уходят «пропустить по коктейльчику», а мы с Минни остаемся в номере. Минни играет в «магазин», и я вроде как тоже, хотя на самом деле пытаюсь сделать макияж и обдумать свою потенциальную зависимость от азартных игр.

Итак, можно ли «подсесть», фигурально выражаясь, с первого же раза? Например, с одного поворота рулетки? Перед глазами вдруг всплывает ужасная картина: я вся всклокоченная нависаю над игорным столом и с безумным взглядом бормочу: «Я обязательно выиграю! Я обязательно выиграю!», Люк пытается силой вытащить меня из казино, а где-то сзади громко рыдает мама. Наверное, мне лучше вообще никуда не ходить. Вдруг это слишком опасно? Останусь-ка я, пожалуй, в номере...

– Магазин! – Минни хватает упаковку чипсов и бесцеремонно кидает на стол. – Покупай, мама, покупай!

– Хорошо, детка.

Я поспешно подхватываю чипсы и прячу их, пока она не порвала упаковку и нам не пришлось за них платить.

В воспитании детей многое можно узнать лишь на собственном опыте. Сегодня, например, я извлекла очень ценный урок: «Не говорить «мини-бар» в присутствии Минни». Она решила, что речь идет о «Минни-баре» – и это ее собственный шкаф, полный замечательных вещей. Объяснять ей бесполезно. В

итоге я сдалась и позволила вытащить все содержимое. Ковер теперь усеивали десятки крохотных бутылок и шоколадок. Потом все сложу обратно (если только бар не оснащен электронной системой, тогда у нас будут большие проблемы, и Люку придется улаживать этот вопрос с администрацией отеля. Впрочем, ему хорошо удаются переговоры).

Я уже «купила» у Минни тоник и шоколадку «Тоблерон» и теперь тыкаю пальцем в апельсиновый сок, пока другой рукой наношу на ресницы тушь.

– Пожалуйста, можно мне немного сока?

Я тянусь за бутылкой, однако Минни крепко за нее хватается.

– Нельзя! – сурово заявляет она. – В другой раз. У нас нет денег!

Я недоуменно моргаю. Где она этому научилась?

Ой!

Господи! Кажется, это я виновата...

Наверное, я ужасная, отвратительная мать. Но честное слово, только так мне удастся охладить ее пыл, когда мы идем за покупками.

Минни с каждым днем говорит все лучше. И хорошо. Все родители рады слышать, как ребенок учится выражать вслух свои самые сокровенные желания. Беда лишь в том, что Минни делает это очень и очень настойчиво.

Она больше не кричит «МО-О-ОЕ!», как прежде, а говорит «Можно?». Мы заходим в супермаркет, и она начинает без усталости твердить «Можно это, мама? Можно? Можно?», снова и снова, будто пытается обратить меня в новую религию.

И ладно бы ей нравились действительно нужные вещи. Она же хватается все подряд: всякие швабры, банки, скрепки... Когда последний раз мы ходили в магазин, она завела ту же пластинку «можно, пожа-а-алуйста?», я кивала, а за ее спиной выкладывала товар обратно на полки, а она вдруг повернулась и завопила: «Ну купи-и-и, маму-у-уля!» так отчаянно, что остальные покупатели

засмеялись. Тогда она замолчала и приняла актерскую позу, – и все захохотали в полный голос.

(Неужели в ее возрасте я была такой же? Надо будет спросить у мамы.)

(Хотя нет, пожалуй, лучше мне этого не знать.)

Так что я избрала новую тактику и говорю Минни, что у нас нет денег. Это она вроде бы понимает. Правда, иногда перехватывает незнакомцев и сообщает им: «У нас нет денег» таким скорбным тоном, что мне становится жутко стыдно.

Теперь она гневно отчитывает Спики, свою куклу:

– Положи. Обратно. – Она выхватывает у куклы пакетик арахиса и яростно трясет им. – Это. Не. Твое.

Боже! Неужели я себя так веду?

– Будь с ней помягче, – предлагаю я. – Вот как надо.

Я беру Спики и принимаюсь ее баюкать, но Минни жадно отбирает куклу.

– Спики плачет. Спики надо дать... конфетку.

Глаза у нее при этом блестят так хитро, что я еле сдерживаю улыбку.

– У нас нет конфет, – отвечаю с самым серьезным видом.

– А это – не конфетка?

Она неуверенно поднимает «Тоблерон».

– Нет, это для взрослых. Он невкусный. А конфеток нет.

Минни разглядывает батончик, и я буквально вижу, как у нее в голове крутятся мысли. «Тоблерон» она никогда не пробовала, так что интерес к шоколадке

вполне оправдан.

– Он невкусный, – повторяю. – Конфетки мы купим потом. Давай уберу.

И Минни сдаётся. В конце концов, ей всего-навсего два с половиной года.

– Спасибо. – Я вытаскиваю шоколадку из ее кулачка. – Давай пересчитаем бутылочки?

Гениальная идея – Минни обожает считать, хоть и пропускает порой цифру «четыре». Вскоре нам удастся вернуть все бутылочки в мини-бар, и наступает очередь шоколадок и снеков, как вдруг дверь распаивается, и в номер заходят мама с Дженис: все покрасневшие, у Дженис на голове пластмассовая диадема, а мама держит чашку, полную монет чашку.

– Привет, – говорю я. – Как прошёл вечер?

– Я выиграла тридцать долларов! – с мрачным ликованием хвастается мама. – Уж теперь-то я твоему отцу покажу!

Мама несёт какой-то бред. Какое отношение ее выигрыш может иметь к отцу?

Впрочем, спрашивать всё равно нет смысла, когда она в таком настроении.

– Здорово! – говорю я. – Дженис, красивая диадема.

– О, она бесплатная, – вздохнув выпаливает та. – Знаешь, скоро начнётся танцевальный конкурс. Мы видели рекламу!

– Мы решили пока передохнуть, а вы с Люком прогуляйтесь по городу. – Для пущей убедительности мама взмахивает чашкой с монетами. – Милая, у тебя, случайно, нет лишних накладных ресниц?

– Ээ... есть. А я и не знала, что ты носишь накладные ресницы.

– «Что случилось в Вегасе, в Вегасе и останется», – многозначительно цитирует она.

«Что случилось в Вегасе»? Боже, надеюсь, она только про ресницы говорит?.. Я задумываюсь, как бы поделикатнее спросить, не намерена ли она пуститься во все тяжкие, как вдруг на телефон приходит сообщение.

– Это Дэнни! – радостно выдыхаю я. – Он приехал. Он здесь!

– Что ж, милая, раз ты готова, почему бы тебе не спуститься? – предлагает мама. – А мы пока искупаем Минни и уложим ее спать. Правда, Дженис?

– Конечно, – соглашается та. – Убаюкаем нашу малютку в два счета.

– Правда? Я ведь могу и сама...

– Бекки, не глупи! – возмущается мама. – Я и так последнее время почти не вижу внуку. Ну-ка, детка, иди к бабуле на колени. Мы расскажем тебе сказку, поиграем и... О, придумала! Давай съедим эту замечательную вкусную шоколадку «Тоблерон»!

Семь

Дэнни я нахожу за угловым столиком в «Бушон», шикарном ресторане с льняными скатертями. Мой друг – как всегда, тощий и загорелый (наверняка только что из солярия) – одет в голубую куртку-косуху. Он сидит рядом с беловолосой, очень бледной девушкой, абсолютно ненакрашенной, не считая темно-фиолетовой помады.

– Дэнни! – Я подбегаю и сжимаю его в объятиях. – Господи! Ты живой!

Дэнни я не видела с тех самых пор, как он пытался совершить экспедицию в Гренландию в благотворительных целях, но то ли палец отморозил, то ли еще что, в общем, ему потребовалась реабилитация в Майами.

– Можно сказать, чудом, – отвечает Дэнни. – Там было очень опасно.

Не было там ничего опасного. Я разговаривала с его агентом и знаю правду.

– Бедняга, – говорю я. – Наверное, там творился суший ужас. Весь этот снег и... и волки...

– Не то слово! – пылко подхватывает мой друг. – Знаешь, Бекки, я включил тебя в завещание, и ты чуть не получила свою долю наследства.

– Правда? И что же ты мне завещал?

– Кое-какую одежду, – неопределенно отвечает он. – Мое кресло от Эймса. И лес.

– Лес?!

– Я купил лес в Монтане. Ради налогового вычета. И подумал, Минни могла бы в нем играть и все такое... Кстати, это Улла.

– Привет, Улла! – Я машу ей рукой, а та нервно бормочет что-то в ответ и снова утыкается в большой планшет, весь лист на котором покрыт крупным цветочным орнаментом.

– Я недавно нанял Уллу, потому что меня озарило вдохновение, – величественно произносит Дэнни. – Моя новая коллекция будет посвящена Лас-Вегасу. Вот, она уже подготовила некоторые эскизы. – Он показывает на пачку листов.

– Я думала, твоя следующая коллекция будет про эскимосов, – напоминаю я.

Когда мы последний раз с ним виделись, он говорил о том, что резная кость, этнические узоры и бескрайняя снежная гладь вдохновляют его на создание мужских широких брюк оверсайз.

– Про эскимосов в Лас-Вегасе, – тут же находится Дэнни. – Ну что, ты уже была в казино?

– Я боюсь. Одна женщина сказала, азартные игры – как метамфетамин: попробуешь разок и увязнешь навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19526395&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.com/sofi-kinsella/shopogolik-speshit-na-pomosch-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)